

НАШИ ТАМ

$$\int f(x,y) dx dy = \int f_1(x,y) dx$$

МИХАИЛ ГУТКИН

ПОПАДАТЬ,
ТАК С МУЗЫКОЙ

Михаил Гуткин
Попадать, так с музыкой
Серия «Попадать, так
с музыкой», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645955
Попадать, так с музыкой: Центрполиграф; М.: 2011
ISBN 978-5-227-02780-1

Аннотация

Анна Истомина, студентка МЭИ, блондинка с мозгами и вполне жизнерадостная особа, отправилась на летние каникулы за границу – к бабуле в белорусскую деревню. Все началось, когда она получила удар по голове, вылетев из следующего от Барановичей до Гродно автобуса, обстрелянного бандитами. Придя в себя в больнице, Аня услышала по радио репортаж о результатах проходящего в Ленинграде шахматного турнира, который – она это точно знала – состоялся в марте 1941 года! Вот тут-то ей по-настоящему стало плохо! Оказаться накануне войны в Белоруссии, на которую придется самый жестокий первый удар, – мало сказать не повезло! Но, вспомнив папину присказку: «Врагов будем бить не считая, но по очереди», она разработала план действий...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	58
Глава 8	68
Глава 9	79
Глава 10	88
Глава 11	98
Глава 12	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Михаил Гуткин

Попадать, так с музыкой

Памяти Льва Соломоновича Гуткина, ушедшего на войну по партийному призыву в июле 1941 года и проработавшего после войны многие годы профессором МЭИ, посвящает автор эту книгу

А бывает еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск... пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, так как неизвестно почему вдруг возьмет поскользнется и попадет под трамвай.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Глава 1

Ничего себе поездка к бабушке! И ведь с самого начала было предчувствие, что не стоит начинать честно заработанные усердной учебной каникулы с поездки в деревню, тем более когда деревня находится в другой стране. Это во времена молодости моих предков все жили в одной стране, называемой Советский Союз, а теперь Белоруссия вполне себе суверенная страна со своими государственными границами и собственным президентом. И бабуля моя по материнской линии на старости лет осталась одна в другой стране, а мы по

очереди каждое лето ее навещаем. В этом году моя очередь.

Нельзя сказать, чтобы это было неприятно или скучно – там и леса грибные, и озеро вполне рыбное и купальное, и огород у бабули очень даже ничего. Так что особо не заскучаешь, тем более что в свободное от чтения, тренировок и прогулок время всегда есть чем заняться в доме, саду и огороде. Я даже сессию сдала досрочно, чтобы успеть к концу мая помочь там с завершением весенне-огородных работ. И комбинезончик симпатичный соорудила для сельхозработ – мамуля при виде его сказала, что мода всегда возвращается, что во времена бабулиной молодости носили очень похожие, и в доказательство даже раскопала соответствующую фотку в семейном альбоме. А потом полезла на антресоли, долго там чем-то шуршала и торжествующе вытащила сумочку, которой, на мой взгляд, было сто лет в обед.

– Раз уж едешь в комбинезоне под старину, то для правильного прикида бери в комплект и эту сумочку, тем более что выглядит она как новая, – заявила мамуля.

Не желая спорить по мелочам, я быстренько запихнула сумочку в рюкзак и продолжила сборы.

В дополнение ко всему родители возложили на меня важную миссию: уговорить бабулю переехать, наконец, к нам в город, тем более что после женитьбы моего брата и его отъезда в собственную квартиру места у нас стало вполне достаточно. Если бабуля согласится жить с нами, то мы перестанем думать о том, как там восьмидесятилетняя бабушка

одна коротаек век в деревне в другой стране. Мама решила, что только любимая внучка сможет переупрямить бабулю, и мне были даны самые широкие полномочия на уговоры.

Вот только на душе было как-то беспокойно. Уж больно все гладко получалось и с сессией, и с билетами в СВ на хороший поезд, и с Женькой, который покривился, но сказал, что готов меня сопровождать и даже некоторое время пожить со мной в деревне. Для него – сугубо городского жителя – это было сродни подвигу. Во мне все больше крепла уверенность, что он надеется в ближайшем будущем нарядить меня в подвенечное платье. От подобного платья я, в принципе, не отказалась бы, но в том, что помогать его снимать будет именно Женюра, у меня до сих пор оставались сомнения. Ненадежный он какой-то, хотя парень и неплохой. А за поездку в деревню пришлось кое-что ему пообещать и заодно согласиться на его условие, что в августе поедем на пару недель в Анталию, чтобы новый учебный год начинать загорелыми и просоленными.

И вот за день до отъезда началось! Утром полетел ноутбук со всеми моими базами данных. Данные надо было спасти во что бы то ни стало, поэтому ноут пришлось оставить папику. Он человек ответственный и все восстановит, только для надежности это потребует не менее трех дней. Поэтому получается, что в деревне я буду без компа. Мелочь, но неприятно. Ладно, придется использовать Женькин ноут, чтобы ему жизнь медом не казалась. Размечталась! Звонит

мне Женькина маман и сообщает, что ее любимый сынуля сломал ногу. Надо же было этому охламону пойти играть в футбол и во время игры неудачно споткнуться! В результате гипс – закрытый перелом голеностопа и месяц на койке. И заметим, позвонил не сам, а доверил это дело матери, слабак. Я вежливо так говорю:

– Валентина Семеновна, дайте, пожалуйста, Женечке трубку. Хочу услышать его голос, чтобы знать, что он более или менее в норме. А то буду сильно беспокоиться.

Она клюнула и передала трубку Женьке. Тут-то я и высказала все, что о нем думаю и что ему обещаю.

– Какого х...я ты поперся на этот с...й футбол вместо того, чтобы тихо и мирно собирать вещи для поездки с любимой девушкой? Кто мне два года назад обещал путешествие на байке и расколотил его перед самым выездом? А кто теперь мне устроит обещанный крутой секс в отдельном купе! Короче, если через месяц ты не приедешь к бабуле, я приеду к тебе домой и разберусь со всеми твоими конечностями.

Естественно, было сказано намного больше, но цензура нынче строгая, поэтому весь текст приводить не буду. Папик, услышав мой ор, заявил, что я бессовестная и злопамятная стерва. Насчет стервы спорить трудно, но в том, что у меня память хорошая, виноват как раз отец – его гены и его методы тренировки памяти. Это я тут же папику и высказала. Мамуля при этом молчала и только тихо хихикала. Отец быстро слинял на кухню, оставив меня кипеть и выпускать

пар. Но что теперь я буду делать в деревне без бойфренда и без компа? Кранты мне!

Да, забыла представиться. Анна Николаевна Истомина. Рост 172 сантиметра, вес 58 килограммов. Блондинка с мозгами, если можете себе такое представить. Студентка второго, ой нет, уже третьего курса МЭИ. Между прочим, это наш фамильный университет, в котором мой прадед учился еще до Отечественной войны. Потом мой дед, отец и мать, старший брат и его жена. Теперь там учусь я. Не отличница, но троек за два года не было. Задел, полученный в физматшколе, позволяет учиться без особого напряжения. Да еще спорт – с пяти лет все время в двух секциях, одна из которых по мере достижения первого разряда менялась (гимнастика, самбо, стрельба), а вторая была неизменной – шахматы, в которых я добралась до КМС¹ с коэффициентом 2210. Правда, что дальше – не знаю. Пора уже думать о будущем, в котором спорт, к сожалению, отойдет на второй, а то и третий план.

Так вот, еду одна. Тогда на фиг мне СВ, если делить его не с кем? Может, сдать билеты и лететь самолетом? Тут снова возник папик – почувствовал, наверное, что выпуск пара закончен и наступила стадия размышлений.

– Самолет не советую.

– Почему?

– Летит он быстро, но прибавь время до аэропорта, включая пробки, вечную суету в самих аэропортах, время на до-

¹ КМС – кандидат в мастера спорта.

смотр перед полетом, а после полета все равно пересадка на поезд. Да еще возможна нелетная погода, из-за которой легко вообще на сутки застрять. А так села и поехала. Кстати, раз едешь одна, прихвати пару книжек, чтобы не скучать.

К разумным советам я всегда прислушивалась, поэтому поехала поездом. И все равно вляпалась по самое «не балуй».

Выспаться мне в вагоне, хотя и в СВ, не удалось – в Минске народ зашумел, стал массово выгружаться, и, конечно, я проснулась, хотя могла бы еще пару часов дрыхнуть. Поэтому с самого утра настроение как-то не заладилось. А потом до меня вдруг дошло, что за всеми переживаниями я забыла дома свою любимую сумочку. Перед дорогой я обычно деньги и документы кладу в карманы, потому что рюкзак с сумочкой плохо сочетаются, особенно когда в рюкзаке весу о-го-го. И сумочку я пихаю под наружный клапан рюкзака. А тут сунулась – и облом! И вся моя отлаженная система одиночного путешествия дала сбой. Как выяснилось, далеко не последний.

Глава 2

Поезд пришел в Барановичи точно по расписанию в 12.30. Хорошо, что в едином таможенном пространстве вещи не досматривают. Нет, никаких наркотиков я не везла – терпеть не могу эту гадость. И оружие мне тоже без надобности. Если потребуется, то я и туфлей могу врезать так, что мало не покажется. Но десяток упаковок «левомикола» и столько же «Спасателя» плюс упаковки сильных антибиотиков в таблетках для лечения простудных заболеваний и некоторых инфекций могли бы вызвать нежелательные расспросы. А на самом деле бабуля немного подрабатывает в своей деревне как бы знахаркой. Но ходить по лесу и собирать травы ей уже тяжело, а действие упомянутых мазей и таблеток она на моем примере видела и оценила. Со сложными случаями бабуля не связывается, а легкие травмы и бронхиты успешно лечит вполне качественными современными лекарствами, запасы которых мы при каждой поездке пополняем.

Вытащила я из вагона увесистый рюкзак и подумала: эх, где мой любимый Женечка – это ведь для него работа, рюкзаки таскать или просто стоять около них на стреме, пока я шустро с билетами, изучаю расписание и т. п. Нет, сил на рюкзак у меня вполне хватает – еще и остается, но мужикам нельзя давать расслабляться, а то вообразят себе невесть что. Поэтому в парных поездках основная тягловая сила – Жен-

юра. Себе при этом я отвожу роль зрительницы, постоянно восхищающейся силой своего кавалера. Правда, в последнее время этот гад, кажется, начал что-то подозревать. Нужно будет еще что-нибудь придумать.

А пока пришлось забросить рюкзак в камеру хранения, вытащив из него винтажную сумочку, чтобы в руках хоть что-то было, и только теперь идти смотреть расписание автобусов до Гродно. Оказалось, ближайший рейс через пять минут, но у меня рюкзак в камере и билета еще нет – пролетела. А следующий автобус через три часа. Вытащила из сумочки книжку и села читать. Недаром, в конце концов, Женька прозвал меня чокнутой читалкой. Правда, прозвище он дал не за то, что люблю читать, а за репертуар, то есть за то, что именно я читаю в свободное время, особенно в дороге. Обычный худлит я глотаю очень быстро, поэтому брать его с собой нерационально. Я стараюсь брать для чтения что-нибудь такое, чтобы мозги не застаивались. В этот раз для кайфа взяла с собой две старые книжки: по матанализу и по шахматам. Когда я говорю старые, это значит издания тридцатых – сороковых годов прошлого века. В таких старых книгах по математике некоторые разделы изложены гораздо проще и понятнее, чем в современных, а старые шахматные книги просто не переиздаются. Вот я и утянула из папулиной библиотеки пару таких книг. Он за месяц, может, и не заметит, а мне приятно, и мозгам есть работа. Так как сумочка маленькая, влезла в нее небольшая книжка по шахматам, написан-

ная Ботвинником, «Матч-реванш Алехин – Эйве». Большая, Валле-Пуссена по математике, осталась в рюкзаке. Все, переклЮчилась на чтение.

Через пару часов пошла, еще раз посмотрела расписание, уточнила у кассира, что рейс состоится, и купила билет. Забрала рюкзак, переложила в него документы и деньги (удрать от рюкзака, прихватив сумочку, ворюга смог бы, а вот удрать от сумочки, прихватив рюкзак, – вряд ли) и подошла к остановке. Наконец автобус пришел, я самой первой влезла в него, выбрала место поближе к выходу, плюхнула рюкзак на колени и приготовилась спать. Дорога долгая, а читать в тряске я не люблю. Автобус бодренько, несмотря на свой древний вид, набрал скорость, и мы поехали. Выехали из города, и смотреть стало некуда – по обеим сторонам дороги сплошной лес. Я надвинула шапочку на глаза, опустила голову на рюкзак и спокойно задремала.

Мне приснился Женька, бодро бегавший по футбольному полю с загипсованной ногой и рукой на перевязи. Я в это время летала над стадионом и сообщала ему все, что о нем думаю. Потом кто-то сильно ударил по мячу, мяч подскочил и здорово стукнул меня прямо в лоб. И тут я проснулась. Оказалось, что удар мне не приснился. Автобус съехал в кювет, а я со своим рюкзаком оказалась у самой двери, в которую и вцепилась головой. Хорошо еще, что шапочка и волосы смягчили удар такой силы, что от него даже дверь открылась. Сзади слышались мат и стоны. В таких ситуаци-

ях рефлексy работают сами. Я вылетела из автобуса вместе с рюкзаком и захлюпала по мокрому снегу и проталинам в лес. Отбежав метров на двадцать, устыдилась. Там люди, наверняка есть раненые, а я тут живая и вроде бы даже невредимая стою в сторонке. Спрятав рюкзак под большой елкой, чтобы у него «ноги не выросли», повернула к автобусу и, резко затормозив, плюхнулась на пузо, вжимаясь в удачно попавшуюся ямку. Комбинезон моментально намок, но мне уже было не до того. Во-первых, до меня дошло, что в конце мая снег в Белоруссии – это как-то не так, не по сезону. А во-вторых, и это самое главное, со стороны автобуса слышались хорошо знакомые хлопкИ. Стреляли. И как мне показалось, из охотничьих ружей. Потом я услышала, как подъехала какая-то машина, остановилась и стрельба усилилась. Теперь уже стреляли из винтовок и пистолетов. Мимо меня пробежал мужик с охотничьим ружьем. На всякий случай я зацепила его ногой, а когда он грохнулся, добавила кулаком по голове. Ну не нравятся мне такие «лесные олени». Стрельба затихла, и я услышала команды: «Первое отделение – обыскать окрестности. Все не могли убежать. Кого-нибудь да зацепили. Второе отделение – убрать дерево с дороги. И помогите людям из автобуса».

Раз пассажирам будут помогать, то можно подать голос, что я и сделала:

– Эй, подойдите кто-нибудь. Около меня тут, кажется, один из нападавших.

На мой голос подошли два солдата в какой-то странной форме, подняли еще не прочухавшегося мужика и потащили на дорогу. Потом подошел третий и помог мне подняться. На лице почему-то было мокро, и я почти ничего не видела. Я хотела смахнуть влагу с лица, но руку перехватили.

– Подождите, девушка, у вас сильно течет кровь. Сейчас я возьму индпакет и вас перевяжу. И шишка у вас солидная.

Чьи-то руки аккуратно наложили мне тампон на лоб и забинтовали голову так, что я вообще перестала что-либо видеть. Меня почти волоком подтащили к дороге и на что-то усадили. Кажется, на лежащее дерево. Происходящее я воспринимала как во сне. Кто-то кому-то говорил:

– Наш автобус сломался, и фабричный нас обогнал. А бандиты, наверное, решили, что это мы, и завалили дерево? Хорошо еще, что стреляли из охотничьих ружей и обрезов. Иначе поубивали бы всех. Да и мы вовремя подоспели.

– А что это за мужик, которого подобрали около девушки? Кажется, местный. Вот он – днем крестьянин, а вечером бандит.

– Девушка, а как это он около вас упал? Это он вас ушиб?

– Оставь ее, не видишь – у нее травма головы, возможно, сотрясение мозга.

Я еще успела проговорить, что сотрясения у меня нет, что мужика я сама зацепила, когда он мимо бежал, и дальше поплыла в неизвестном направлении.

Проснулась я как-то сразу и почувствовала, что вроде бы

все в норме, не считая головной боли. Впрочем, боль была вполне терпимая. Открыла глаза и уставилась в белый потолок. Понятно. Больница или, учитывая деревенские понятия, фельдшерский пункт. Нет, наверное, все-таки больница. Лежу в какой-то безразмерной ночнушке, голова забинтована, но эта перевязка не закрывает обзор. Я приняла полусидячее положение и стала оглядываться. Так, четыре койки, на которых лежат забинтованные люди. Наверное, все с моего автобуса. Сознание продолжало включаться, и мозги сразу стали перегреваться. Почему стреляли, почему снег, почему, почему, почему? Вошел врач. Заметив, что я верчу головой, он решил начать обход с меня.

– Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится, не болит?

– Немного болит и слегка кружится.

Интересно, а почему он ко мне обращается на «ты»?

– Ничего, у тебя небольшое сотрясение мозга. Но была кровопотеря, потому что рана на голове, где много кровеносных сосудов. Я все обработал, зашил и засыпал стрептоцидом. – *(Почему стрептоцидом – знакомый врач-хирург мне совсем недавно объяснял, что такие раны полагается закрывать мазями, а не засыпать стрептоцидом, который, кстати, в больницах практически вышел из употребления?)* – Так что через пару недель все придет в норму. Но теперь надо тебя записать. Я пришлю медсестру – скажи ей свои данные.

Врач перешел к другим больным, а ко мне подошла мед-

сестра с бумагой и карандашом. Что-то в моей голове щелкнуло, как будто прозвенел предохранительный звоночек, и я решила пока не признаваться.

– Меня зовут, – тут я сделала паузу и выдала, – ой, не помню. – А дальше продолжила по старому классическому фильму²: – Но ведь как-то меня зовут? У меня точно есть имя и фамилия, только вот какие?

Медсестра не настаивала.

– Доктор сказал, что после сотрясения ты можешь не сразу все вспомнить. Ладно, лежи и отдыхай. Только вот к тебе посетитель.

² Речь идет о фильме «Человек за бортом» с Куртом Расселом и Голди Хоун.

Глава 3

Вместо медсестры вошел молодой паренек опять-таки в странной форме и фуражке. Я сразу решила, что это милиционер, и не ошиблась. Он сел, достал из сумки, кажется, ее называют планшетом, бумагу, карандаш (*опять карандаш – что, у них все шариковые ручки кончились?*) и приступил к допросу. Но и ему обломилось.

– Ехала в автобусе. Куда – не помню. Задремала, удар головой, вылетела из автобуса и отскочила в лес. Услышала стрельбу, залегла. Мимо бежал мужик, запнулся о мою ногу и упал. Потом подошли солдаты. Кто я – не помню. Где живу – тоже не помню. Где мои документы – самой интересно. Может, в сумочке. Что, в сумочке только книжка и баночка с мазью? Тогда все. Придется ждать, пока память вернется.

Вдруг на стенке что-то захрипело, и заговорил незнакомый голос:

– Новости шахмат. Вчера в третьем туре проходящего в Ленинграде матч-турнира на звание абсолютного чемпиона СССР Михаил Ботвинник в двадцать два хода черными выиграл у Пауля Кереса, сделав тем самым серьезную заявку на победу в этом первом крупном соревновании года.

Вот тут мне по-настоящему поплохело. Я ведь прекрасно знала эту партию, в которой Ботвинник выиграл, применив дебютную новинку, и хорошо помнила, когда проходил

матч-турнир, – весной 1941 года. Кажется, начался он в марте и первая половина проходила в Ленинграде, а вторая – в Москве. Теперь понятно, откуда в лесу снег и в какое время я попала. И я снова отключилась.

Вечером немного пришла в себя и попробовала встать. Получилось, но плохо – дошла только до конца кровати. Следующую попытку перенесла на завтра. Утром голова уже не болела, и страшно хотелось есть. Пшенная каша показалась необыкновенной вкуснятиной, хотя дома я от нее нос воротила. А тут смолотила большую тарелку с ломтем серого хлеба. При этом в голове все время крутились мысли одна хуже другой.

Весна 41-го. Через три месяца начнется Отечественная война, а я в Белоруссии, на которую придется самый жестокий первый удар. Бегать и кричать о 22 июня бесполезно – в лучшем случае запихнут в психушку, а в худшем объявят английской шпионкой, которая хочет спровоцировать конфликт СССР с дружественной Германией. За это точно приклонят к стенке. Но просто лежать и лапу сосать не получится. Немцы, насколько я помню из школьных уроков истории, Белоруссию проскочили примерно за месяц, а оказаться на оккупированной территории мне совсем не улыбается. Девушка я видная, особенно по сравнению с окружающими мелкими толстушками. Поэтому либо меня немецкие солдаты оприходуют так, что мало не покажется, либо в Германию угонят, а то и в концлагерь засадят. Это если при бомбежке

или артобстреле не убьют.

А пока: современности я не знаю, денег нет, жилья и документов тоже нет. Скажу, что из будущего, – опять главный проходной вариант – психушка. Так что здесь и сейчас я никто и звать меня никак. Вспомнила одну из присказок папульки – врагов будем бить, не считая, но по очереди. Решено – надо выстроить очередность, а для этого сначала определиться, что и как я хочу.

Конечно, больше всего я хочу вернуться в свое время, но это от меня не зависит. Значит, будем исходить из текущей реальности, данной нам в ощущениях и существующей независимо от нашего сознания³. Да, не забыть бы про рюкзак! Там осталось много полезных вещей, особенно в текущей ситуации. Кстати, там и документы – их надо припрятать вместе с кредитками, деньгами и прочим барахлом, которое может навести людей на неприятные для меня мысли. В свое время я почитывала книги о попаданцах, но одно дело читать, лежа на диване и похрустывая печеньем, а другое – самой оказаться в роли такого вот попаданца или, точнее, попаданки. Мама, роди меня обратно!

Ладно, сопли побоку. Займемся легализацией. Раз документов нет, значит, надо косить под сотрясение с амнезией. Врач на первое время поддержит. Нет документов – пусть

³ Аня вольно перефразирует *определение материи, как объективной реальности, существующей независимо от нашего сознания и данной нам в ощущениях...* (В.И. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм»).

в милиции дадут хоть какую-то справку. Озадачим милиционера. Тем более паренек молодой и на хлопанье глазок должен среагировать. Имя и фамилию придумаю. Деньги! С этим хуже – тут их можно только заработать, а что я умею? Знаю математику – может, податься в учителя? Но сейчас конец учебного года, поэтому вряд ли выгорит. Хороший почерк – пойти работать в какую-нибудь контору. Только, кажется, сейчас пишут не авторучками, а, насколько мне помнится, какими-то перьями. Тогда этот вариант не для меня. Были спортивные разряды – значит, могу работать тренером или учителем физкультуры. Вот это уже более вероятно. Короче, документы и работа. А третьим по очередности, но не по важности – подготовка к войне. Не получится удрать куда-нибудь подальше – придется воевать.

За всеми этими мыслями не заметила, как пришла медсестра и позвала на перевязку. Тут в голову пришла еще одна мысль.

– Девушка, а где моя сумочка?

– Вот, не видите, справа под подушкой.

Правда, ну я и тормоз. Прежде чем задавать вопросы, нужно было как следует осмотреться. Залезла в сумочку и достала баночку с мазью, то есть со «Спасателем», переложенным для бабули из стандартного тюбика в небольшую баночку (*как будто она сама эту мазь готовила*). Взяла баночку, накинула такой же безразмерный, как и ночнушка, халат и двинулась в перевязочную. Там начались сложные

переговоры с врачом. Он в упор не хотел размахивать и удалять с раны стрептоцид, чтобы я смогла намазать рану моей мазью. Но, сочетая напор относительно мази с обещаниями тщательно выполнять все процедуры по лечению сотрясения мозга, удалось уговорить доктора поставить на мне эксперимент. Рану тщательно промыли, вытерли стерильной марлей, после чего я намазала шов мазью и заявила, что перевязывать пока не нужно – пусть рана дышит. На самом деле небольшая повязка бы не помешала, но она заметно портила мой внешний вид, а так – боевое ранение, но лицо в порядке.

Вернулась в палату, а меня уже ждет новый посетитель. Форма немного другая, да и парень постарше – выглядит лет на двадцать пять, широкоплечий, симпатичный, глаза серые, взгляд строгий. Наверное, и звание другое.

– Здравствуйте, лейтенант госбезопасности Северов! Как вы себя чувствуете?

Ого, этот обращается на «вы»! Надо быть на стреме!

– Спасибо, постепенно прихожу в себя.

При этом старательно хлопаю глазками и смотрю на него бараньим взглядом.

– Я хотел бы с вами поговорить. Может быть, мы пройдем в пустую палату, чтобы не мешать другим больным?

Ага, там сразу начнет колоть на предмет польско-немецко-английской шпионки.

– Конечно, идемте. Только помогите, так как я еще не вполне оклемалась.

– Да, да, разумеется!

Взял меня под руку и аккуратно повел в конец коридора. Я, держась за лейтенанта, незаметно пощупала его пульс на руке – ого, как молотит. Интересно от чего – от близости красивой девушки или от предвкушения, что поймал шпионку? Мы зашли в небольшую пустую комнатку, в которой были только лежак и стул. Я на правах больной улеглась на лежак, а лейтенант уселся рядом на стул. При этом никакого планшета у него не оказалось. Ладно, посмотрим что и как. Важно произвести на него хорошее впечатление – тогда вопрос с легализацией должен заметно упроститься.

Некоторое время лейтенант молча смотрел на меня. Наверное, решал, сейчас арестовать или попозже. Наконец, заговорил:

– Прежде всего хочу вас поблагодарить за поимку того бандита. Он оказался единственным живым и относительно невредимым из всех, кто попал к нам в руки.

– Но ведь я его не ловила. Просто подставила ногу, когда он бежал мимо.

– Он говорит несколько иначе, – возразил лейтенант. – Все время ругается, что какая-то малахольная девка его оглушила дубиной. Вот, мол, только из-за этого он и попал к нам в руки.

– Да какая дубина! Врет он все, товарищ лейтенант! Там и веточки рядом не было. Снег, лужи и проталины.

– Насчет дубины согласен – врёт. Я там уже побывал и

все осмотрел. Так что стукнули вы его рукой. Интересно, как это у вас так удачно получилось сразу вырубить крупного мужика?

Опа. Внимание! Это уже серьезно. А времени подумать нет. Ладно, попробую заболтать.

– Да понимаете, – заблелая я, – он упал рядом, я испугалась, что выстрелит, и стукнула его кулаком. Наверное, просто удачно попала – он так подвернулся. А если бы не ударила, то мне пришлось бы туго, тем более что я и видела-то плохо – кровь текла на глаза.

– Да, понимаю, – покладисто согласился лейтенант. – Но больше этого кулацкого недобитка можете не опасаться. Через пару недель суд и приговор. А для тех, кто взят с оружием в руках при бандитском нападении, приговор только один – высшая мера социальной защиты. Скажите, – продолжил лейтенант, – а вы так и не вспомнили свои имя и фамилию?

Ну, снова-здорово!

– Нет, сколько ни старалась, не получается.

– Тогда давайте попробуем сделать так: вот вам бумага и карандаш. Попробуйте пару раз расписаться. Может, по подписи получится установить хотя бы фамилию.

– Вы полагаете, что моторная память поможет основной? – ляпнула я и тут же осеклась. Ну кто тянул меня за язык лезть со своей ученостью.

– Да, иногда помогает.

Уф, может, не заметил мой промах. Ну что же, поставлю

автограф, который у меня состоит из нескольких закорючек. Главное – не тормозить, а то замедление в подписи он сразу засечет. Расписалась.

Лейтенант несколько секунд внимательно смотрел на мои кривули, потом с некоторым сомнением сказал:

– Первая буква, кажется, «А». Наверное, это начало имени или фамилии. Давайте предположим, что это имя. Алевтина, Анна, Антонина, Александра?

Я подумала и решила сделать небольшую уступку, чтобы перехватить инициативу.

– Мне почему-то кажется, что Анна. Пусть пока будет Анна, если вы не возражаете. Но у меня к вам большая просьба.

– Да, я вас слушаю.

– Сейчас у меня ни документов, ни работы, ни денег. Откуда я и куда ехала – не помню. Через пару-тройку дней выйду из больницы, и куда? Где и на что жить? Я хотела бы найти работу, но как ее получить без документов?

– Ну, насчет пары дней вы погорячились. Доктор говорит, не меньше 10 дней. Но все равно, я вас понимаю. А кстати, что вы умеете? Судя по вашему виду, вам примерно 18 лет. – *Почти угадал.* – Ваша речь свидетельствует о хорошем образовании. – *Засек-таки словечки.* – Руки и вся внешность говорят, что вы городской житель. Так кем вы можете работать?

– Отвечаю по порядку. Первое – доктор ошибается. На мне все заживает, как на собаке. Так что пара дней – это ре-

ально, не считая памяти. Тут я не спец. Второе – помню математику, шахматы и физкультуру. Кроме того, имею хороший почерк. Правда, после сотрясения, может, еще несколько дней почерк нужно будет восстанавливать. Так что либо учителем, либо в какую-нибудь контору что-нибудь писать и подсчитывать. Или могу... – *Тут я притормозила. Про преподавание самбо пока лучше промолчать.* – А, да, могу преподавать гимнастику.

– Вот как! – Лейтенант еще раз внимательно на меня посмотрел, причем в этот раз взгляд был оценивающий. Мои щеки, кажется, начали краснеть. – Ну тогда я кое-где поговорю, и временный документ вам выпишем, а там посмотрим. Ладно, на сегодня достаточно. А послезавтра я к вам зайду и, если доктор не будет возражать, заберу вас отсюда. Не бойтесь, не под арест.

Я немного подумала и добавила:

– Товарищ лейтенант. Хотите верьте – хотите нет, но, кажется, теперь я могу предсказывать некоторые вещи.

– Вы переутомились, давайте я отведу вас в палату.

– Подождите. Вы ведь знаете, что практика – критерий истины. Так вот проверьте мое предсказание. Сейчас в Ленинграде идет шахматный матч-турнир. Я тут слышала, что в третьем туре Ботвинник выиграл у Кереса. И мне кажется, что следующую партию Ботвинник проиграет Бондаревскому.

– Я в курсе, что вы умеете играть в шахматы, судя по

той книжке, которую у вас нашли. Но ваше предсказание довольно сомнительно. Впрочем, я поговорю с нашими шахматистами. Они в этом понимают больше меня. Но все-таки идемте в палату.

Он деликатно взял меня под руку и отвел к моей кровати, а потом снова уставился на меня. Наконец, повернулся и вышел.

Глава 4

Я легла и задумалась. И чего это он так на меня пялился. Вроде бы ничего такого я не ляпнула. А морда лица еще не такая, чтобы заглядываться. Да и фигура под ночнушкой не видна. Ладно, живы будем – не помрем. И вообще пора обедать.

После обеда сон, потом ужин и вечернее посещение доктора. Он долго рассматривал мой шов, пыхтел, но ничего не сказал. Я только попросила на ночь легкую повязку, чтобы во сне не царапнуться случайно. Повязку наложили. Перед сном подумала, что завтра нужно озаботиться моей одеждой. Постирать и просушить. Пора приобретать цивилизованный вид. Оп! А ведь на улице еще холодно. Я-то выезжала в конце мая в легком комбинезончике. А сейчас на улице без пальто и ботинок не обойтись. «Опять расходы», – как говорил незабвенный Матроскин. А этот лейтенант очень симпатичный. С этой мыслью я уснула.

Поговорка «Утро вечера мудренее» оказалась на сто процентов верной. К утреннему визиту врача у меня сложился план действий, который я начала осуществлять прямо во время осмотра. Доктор – кстати, его зовут Сергей Палыч – опять внимательно изучил мой шов, пару раз посмотрел куда-то в сторону и несколько нерешительно спросил, обращаясь уже на «вы»:

– Скажите, Аня, а можно я попробую вашу мазь на другом больном? У него воспалилась рана, а сильных средств у меня нет.

– Конечно, доктор! Возьмите. Только накладывать мазь нужно понемногу и точно на рану. Может быть, я вам помогу?

– Нет, нет. Спасибо. Я сам, вы еще слабы. Отдыхайте.

– Подождите, Сергей Палыч. У меня к вам есть предложение. Я вам отдам всю баночку, а вы позволите мне некоторое время пожить у вас в больнице. Мне ведь некуда ехать, негде жить, и нет денег на еду. А у вас я буду помогать санитаркам, стирать, убирать и мыть посуду. Конечно, если позволит тот лейтенант из органов.

– Ну, Вася Северов позволит. Он очень хороший парень, правда, немного невезучий. Кстати, осенью он сам тут лежал с аппендицитом. Только я не вполне понимаю, зачем вам торопиться? По вашему состоянию вы пару недель и так можете находиться в больнице. И никто ничего не скажет. Время нахождения в больнице будет вполне соответствовать диагнозу.

И правда. Зачем бежать впереди паровоза? Только вот времени у меня на самом деле всего ничего. Сегодня 28 марта (я услышала дату в новостях, регулярно передаваемых по радио, точнее звучащих из какой-то немислимых размеров черной тарелки, висящей на стене). Апрель, май и неполный июнь. Меньше трех месяцев. А ведь нужно не только полно-

стью восстановиться, но и провести мою личную подготовку к войне, объемы которой (*не войны, разумеется, а подготовки*) я пока еще даже не представляю. Тут не только каждый день – даже каждый час имеет значение. А что скажут окружающие, когда увидят, какой комплекс упражнений делает больная с сотрясением мозга? Сразу решат, что мозги не только сотряслись, но и выпали. Так что нет. Еще день – и перехожу на положение здоровой, пусть и ограниченной в перемещении пределами больничной территории.

Мне вдруг в голову пришла еще одна мысль.

– Скажите, Сергей Палыч, вы ведь мою тушку внимательно осмотрели, когда меня привезли из леса? И что вы обо мне скажете?

– Скажу, что фигура у вас хорошая. Видно, что вы много занимались спортом. Жира практически нет, мускульная система хорошо развита. Выглядите вы не старше 18 лет.

– Это все? А может быть, вы чего-то не договариваете?

– Кажется, я понимаю, о чем вы... Да, я знаю, что вы не девственница. Осмотр, как и положено, был полный.

Тут я задала важный для меня вопрос:

– А лейтенанту Васе вы тоже все это изложили?

Доктор побагровел, начал мекать и бекать. Я поспешила его успокоить:

– Доктор, к вам никаких претензий. Я понимаю, что органам полагается говорить все – они ведь и так все из себя внутренние. Так что не волнуйтесь. Никакой врачебной тай-

ны или заповеди Гиппократы вы не нарушили. А лейтенант по должности должен молчать.

Но для себя сделала зарубку. Молчать-то он будет, но вот какие выводы сделает и что начальству доложит?

Есть такая поговорка: «Заговори о черте, и он тут как тут». Народная мудрость на то и народная, что всегда правильная. Как раз когда я закончила разговор с доктором, слышался звук мотоцикла и подъехал лейтенант, причем не один. Так как лейтенант сидел за рулем, то, очевидно, он привез начальника. И оба они направились к дверям больницы. При этом лейтенант Вася нес какой-то предмет прямоугольной формы, завернутый в газету. У меня сразу появились предположения относительно этого предмета, а некоторый бряк, произошедший, когда предмет слегка зацепился о косяк, превратил предположения в уверенность.

– Ну, где тут твоя больная, показывай!

Точно начальник – понятно по громкому командному голосу и по манере говорить. Интересно, в каком звании? И почему это они приехали в середине дня? Просто поиграть – расскажите это моим тапочкам.

Лейтенант зашел в палату и опять вежливо, на «вы», попросил меня выйти в коридор. Там я увидела вновь приехавшего – высокий мужик лет сорока, волосы с проседью. Тоже в форме госбезопасности. Мы прошли в уже знакомую комнату, в которой теперь стало на один стул больше.

– Тут лейтенант Северов доложил, что в больнице появил-

ся пациент, умеющий хорошо играть в шахматы. Вот сейчас и проверим, а то у меня в этом городке ни одного нормального партнера. Товарищ лейтенант, расставляй фигурки.

Вася вынул из газеты небольшую доску, раскрыл ее, высыпал фигуры на топчан и стал расставлять.

– Товарищ капитан, она же еще больная, сотрясение мозга, – сунулся Сергей Палыч.

– Ничего, доктор. Сотрясение легкое, и меня вот лейтенант уверяет, что на шахматах оно не отразилось. Как, Аня? Правильно я говорю?

– Правильно, товарищ капитан. Только позвольте, я удобнее сяду и начнем.

– Выбирай! – Капитан зажал в кулаках пешки разного цвета.

– Вообще-то мне все равно, но если хотите... – Я стукнула по правой руке.

– Белые! – провозгласил капитан. – Начинай!

Так, а как с ним играть? О его силе, как игрока, я ничего не знаю, но не это главное. Важно понять, почему он решил играть в рабочее время? Делать ему нечего или что-то за этим кроется? И не обидится ли он, если «сопливая девчонка» вдруг его обыграет. Но если я начну поддаваться, а он окажется действительно сильным игроком и почувствует, что я нарочно сливаю партию? Да, вот это задача со многими неизвестными. Ладно, была не была. Буду играть по полной, как в турнире, только что без шахматных часов. А ка-

кой дебют? С этим проще. Мой тренер иногда формулировал очень простые и хорошо запоминающиеся мысли. Если игрок начинает игру ходом e2—e4 – значит, собирается играть на атаку, если начинает ходом d2—d4 – значит, планирует играть на понимание позиции. Буду играть на понимание – тут быстрее можно оценить силу игрока.

Примерно через десяток ходов стало ясно. Капитан – игрок сильный, но без хорошей школы. Говоря современным языком, он играет в силу добротного второго разряда, то есть считает варианты неплохо (легко обошел пару поставленных мной ловушек), но знание дебютов слабое и с позиционной игрой явно не в ладах. Во время игры капитан вел себя спокойно, сосредоточенно, ходы назад не брал, не стал вздыхать, попав в позиционный зажим, и сдался, когда при желании мог еще побарахтаться, хотя и без шансов.

Ну что же, мы оба сделали выводы. Я – что он адекватный мужик, трезво оценивающий ситуацию и уважительно относящийся к противнику. Он... а вот какие выводы сделал он, сейчас услышим.

– Ну, Василий! И где ты только такую шахматистку нашел! Ей в чемпионатах Советского Союза играть – вон как меня обставила, – а она тут бока пролеживает и память непонятно как теряет. Все, из нашего населенного пункта не выпустим, пока не научит меня хотя бы в половину своей силы играть. Паспорт ей мы никакой не дадим, чтобы не убежала, а справочку, по которой сможет здесь жить и работать,

напишем. И у доктора будет каждый день отмечаться, пока Сергей Палыч не представит нам официальную бумагу, что пациентка выздоровела.

Так, в сухой остаток выпало, что меня пока арестовывать не собираются, но под плотный контроль возьмут. Занятия шахматами – для прикрытия, а на самом деле будут проверять и проверять. На разговорах и на контактах. Но все-таки это сдвиг в положительном направлении. Ладно, курочка по зернышку клюет и сыта бывает.

– А еще лейтенант говорил, что ты гимнастику можешь преподавать?

– Могу, только не сразу, а примерно через неделю.

– А сможешь с бойцами роты такие занятия проводить?

– Могу и это, но ведь у них должен быть свой инструктор по физподготовке.

– Все-то ты знаешь! Есть у них такой инструктор, точнее, был. Но он ехал как раз в том самом злосчастном автобусе, и его серьезно ранило. Месяц проваляется, а что потом – врачи определяют. А у командира и без физкультуры дел выше крыши. Так что жить сможешь в нашем городке, а работать и столоваться будешь в роте.

Понятно, в контактах решили ограничить по минимуму. Но это опять идет навстречу моим пока еще неясным планам.

– Уговорили, товарищ капитан. Только одежды и обуви у меня нет.

– Ну, это к лейтенанту. Это его проблемы.

– Когда приступать к работе?

– Эх, как ей не терпится! А доктор что скажет?

– Доктора я беру на себя. Мое самочувствие никто лучше меня не оценит.

– Хорошо, тогда завтра лейтенант привезет тебе одежду и займется твоим обустройством. Пошли, товарищ Северов.

Уже выходя из больницы, он вдруг обернулся и сказал:

– А ведь Ботвинник не проиграл Бондаревскому. Они отложили партию, причем чуть-чуть Ботвинник ее не выиграл до контроля времени. И в отложенной позиции говорят, что шансы у него выше.

Кто меня за язык потянул – не знаю, но я вдруг брякнула со всей дурасти:

Волхвы тебе велели отвечать,

Что их наука достоверна.

Что ошибиться им нельзя и что —

Кириллин день еще не миновал.

Капитан чуть не навернулся прямо в дверях.

– Ты что, красавица? Какие волхвы, какой Кириллин день? Видно, что голова у тебя пока еще совсем не в порядке!

Но тут мне на помощь неожиданно пришел лейтенант:

– Товарищ капитан! Скорее это говорит о том, что она дура, хотя и с мозгами.

Ладно, лейтенант Вася, я тебе эти слова еще припомню!

– Это как? Ты что, эту ахиною всерьез воспринимаешь?

– Да нет, это не ахиная. Это она из пьесы цитирует. Граф Алексей Толстой – не наш, советский, а другой, который Константинович⁴, – написал пьесу «Смерть Иоанна Грозного». Это оттуда. Там волхвы предсказали Ивану Грозному смерть в Кириллин день. И он в самом конце того дня и умер. Наверное, Анна хотела сказать, что пока партия не окончена, о результате судить нельзя.

– Вот оно что. Смотри-ка, какие у меня образованные подчиненные. Кажется, у тебя слишком много свободного времени, раз успеваешь книжки почитать. Ничего, исправим.

С этими словами капитан вышел и пошел к мотоциклу. Лейтенант, оглянувшись на меня и при этом чуть не споткнувшись, побежал за ним. А я осталась стоять с разинутым ртом и с очередным самобичеванием. Ведь этот змей-начальник совершенно точно определил класс моей игры! Для современного состояния женских шахмат в СССР я действительно играю на уровне финалистки чемпионата Союза. Из чего следует, что шахматисток моей квалификации во всей стране раз-два и обчелся. И все они учтены. Вот пошлет капитан запрос по спортивным обществам, приложит мои приметы, включая примерный возраст, и все! Пишите пись-

⁴ Всего писателей Толстых было три, и все графы. Лев Николаевич Толстой, Алексей Константинович Толстой, написавший эту пьесу и много других хороших произведений, и Алексей Николаевич Толстой (автор «Золотого ключика» и трилогии «Хождение по мукам»), который в 1923 году вернулся из эмиграции в СССР. Именно А.Н. Толстого Сталин стал называть «наш советский граф».

ма! Если будет куда. Получается, что в захолустном приграничном городке возникла ниоткуда шахматистка мастерского уровня, которая не числится ни в одном спортобществе. Единственная надежда, что в шпионки тоже не запишут. За границей шахматисток такого класса вообще нет.

А, ладно. Что сделано, то сделано. Все, иду отдыхать. Сегодня и завтра утром занимаюсь только своим здоровьем.

Глава 5

Вернулась в палату, и снова мысли, мысли, мысли. Программа-минимум, кажется, выполнена. Поскольку у меня нет абсолютно никаких здешних документов, не говоря уже об усах, лапах и хвосте, то даже простенькая справка – большой шаг вперед. С жильем, одеждой и работой тоже вроде бы устаканилось. И кормить будут. А заодно наблюдать, контролировать и ловить на мелочах. Ну, так на то и щука в море, чтобы карась не дремал. И от милиции меня органы как бы прикроют. Контактировать мне не с кем – значит, только следить за собой. И мало-помалу решать остальные задачи. Кстати, наметим очередные шаги.

1. Рюкзак! Там куча исключительно полезных, причем для этого времени, можно смело сказать, уникальных, вещей: лекарства, которых пока еще нигде нет и которые некоторые заболевания (раны, простуды, воспаления легких) лечат за считанные дни; калькулятор на солнечных батарейках, то есть энергонезависимый; малая саперная лопатка – таких, кажется, пока здесь не делают, а ей даже небольшой окоп можно вырыть в два счета; нож с набором инструментов, причем не китайская поделка, а настоящий Leatherman, ну и много других хозяйственных вкусняшек. Значит, при первой возможности надо рюкзак найти и тщательно перепрятать. Изначально он упакован хорошо: не промокнет и зверье не

тронет. Лишь бы никто под ту елку не сунулся.

2. Занятия с солдатами. Очень хорошо! Намного лучше, чем я даже могла представить. Натасканные мной в рукопашке и прочей спецфизкультуре бойцы – это почти готовый партизанский отряд с проверенными людьми. Ну или костяк такого отряда. К нему только грамотного командира (*я трезво оцениваю свой уровень и возможности – командовать могу только в семье*) – и вперед. До зимы точно сумеем продержаться с минимальными потерями (*ну я и оптимистка*), а дальше как карта ляжет.

3. Мои собственные тренировки и учеба. Вот это проблема! Немецкого практически не знаю, саперного дела не знаю, со стрелковым оружием незнакома. А на учебу вам, Анна Николаевна, всего два с небольшим месяца, и часы тикают – скоро флажок начнет подниматься.⁵

4. Подготовка баз с землянками, продуктами и оружием – боеприпасами. С одной стороны, ничего сложного – только найти подходящие участки в 5—15 километрах отсюда и оборудовать. Но с другой стороны, вот это пока труднее всего, так как я «невыездная». Зато хитрая – что-нибудь обязательно придумаю. (*Оптимизм так и прет – наверное, после утреннего разговора. Как бы не накаркать.*)

Все, хватит думать – пора обедать. Но сначала поищу свою

⁵ Жаргонное выражение шахматистов. Имеется в виду сигнальная стрелка на шахматных часах. По мере приближения контрольного срока она начинает подниматься. После падения флажка шахматисту, не успевшему сделать положенное число ходов, засчитывается поражение.

одежду.

Оказалось, что мой комбез и рубашку успели постирать и даже высушить. Я тут же с удовольствием влезла в них и почувствовала себя практически здоровой. Шов не беспокоил: «Спасатель» – хорошо, но и руки у доктора золотые. Сегодня же попрошу швы снять. Тогда к завтрашнему дню останется крупная царапина. Прикрою ее челкой, и внешний вид восстановится.

Обед улетел со свистом. Не знаю только, можно ли просить добавки. Решила потерпеть – залила лишним стаканом чая.

А не заняться ли мне пока сбором информации? Вон медсестра отдыхает, может, она не откажется со мной полялякать. Все-таки для нее я новый человек, а она, судя по виду, всегда готова посудачить. И ей приятно, и мне полезно.

– Танечка, а можно с вами поговорить? Тут все меня допрашивают, а просто поговорить не с кем.

– Конечно, Аня – тебя так теперь называют?

– Да, лейтенант Вася сказал, что теперь это мое имя. Кстати, тут Сергей Палыч говорил, что он у вас тоже лечился?

– Да, у него осенью был приступ аппендицита, и до госпиталя его просто бы не довели. Вот Сергей Палыч его и прооперировал. Говорил, что еще полчаса – и не стало бы лейтенанта. А после операции он у нас еще почти месяц пролежал.

– Почему так? Я слышала, что обычно после такой операции больных через неделю домой отправляют на долечива-

ние и только проверяют процесс заживления.

– Вы правильно слышали. Вот только, пока лейтенант был в больнице, от него невеста удрала. Она его даже ни разу не навестила. Он после операции беспокоился, что не приходит. Попросил меня зайти к нему домой, а там никого. Только записка на столе, что уезжает домой насовсем. Вот после этого процесс выздоровления и затянулся. Если бы не Сергей Палыч и не Валентин Петрович, то вообще неизвестно, как бы он поправился.

– А Валентин Петрович – это кто?

– Это капитан Григорьев, который сегодня к нам приезжал. Они с женой Васе очень сочувствовали, все время ободряли, жена Валентин Петровича ему еду приносила – это ведь не то, чем мы здесь больных кормим. Ну и он пошел на поправку.

– А что это вы так о больничной еде – вроде все вкусно?

– Ну, то, что вкусно, – это наша повар старается. Только все равно домашняя стряпня всегда лучше. Аня, а у меня к вам вопрос. Вы где такое нижнее белье достаете? Я недавно в Москве была, так там даже в комиссионных магазинах такого не видела.

Она. А об этом я вообще не подумала – как-то вылетело из головы.

– Честно говоря, Танечка, я не помню. Может быть, мои родители привезли из-за границы.

Так, кое-какую полезную информацию получила. Теперь

пора потихоньку выходить из разговора, который может стать опасным.

– Скажите, Танечка, а вы давно здесь работаете?

– Нет, нас сюда с Сергей Палычем перевели из большой больницы в Московской области. После освобождения Западной Белоруссии тут медицины практически никакой не оказалось. Вот и стали переводить сюда персонал и оборудовать местные больницы. Раньше нас здесь только НКВД создали. А мы сразу, во вторую очередь. Тут столько больных сначала было! Но за полгода мы справились. Это сейчас из-за автобуса больные опять появились. А так палата почти все время пустует. К нам только на осмотр приходят и с мелкими болячками.

Я чуть было не ляпнула: «После какого освобождения? Ведь войны еще не было?» – но сообразила, что речь идет о присоединении к Советскому Союзу западных территорий по договору Молотова – Риббентропа.

Закончив разговор, пошла по коридору в знакомую комнату. Там попробовала сделать небольшую разминку. Руки, ноги в норме. От наклонов поостереглась из-за головы. Шпагат на полу сделала, в стойке тоже решила подождать. Села и покачала пресс – с этим порядок. Резкость пока подождет. Общая оценка – все, что ниже плеч, работает нормально, дыхание в порядке. Голову пару дней еще поберегу. Эх, была бы подходящая одежда – можно было бы небольшую пробежку вокруг домика. А так все ограничено стена-

ми – холодно пока на улице, а мне простужаться не с руки. Хорошо, ждем следующего дня. А пока пойду снимать швы. Доктор вроде бы не возражает.

Доктор действительно не возражал, и в палату я вернулась уже в «бесшовном» состоянии. Укладываясь на кровать и вспоминая события последних дней, подумала, что лейтенант вроде бы на меня запал. Интересно, а я на него? Пока не пойму.

Утром все тихо. Осмотр, очередное удивление Сергей Палыча.

– Да, на вас действительно все заживает, как на собаке. Только с головой надо пока поосторожнее.

– Конечно, доктор. Я и сама понимаю. Хотя и не кружится, но память-то все еще не восстановилась.

– Эх, голубушка! Память может завтра прийти в норму, а может и год восстанавливаться. Тут мы пока ничем помочь не в состоянии. Вот таблеточки от головы попринимайте. Я рад за вас, что все без нас устроилось.

Переживает, что баночку не подарю?

– Я тоже рада доктор, а баночку я вам все равно оставлю. Надеюсь больше в такие передраги не попадать.

Да, в такие нет, а в войну-то точно впишусь!

– За баночку большое спасибо! Вчера помазал рану, а сегодня воспаление почти полностью спало. Думаю, что завтра и тот больной быстро пойдет на поправку. Это, кстати, наш главный механизатор. Вся сельхозтехника на нем. Ну ладно,

Анечка, идите. Можете остороженько начинать восстанавливать свою спортивную форму.

Ха, это я уже вчера начала. А сегодня после официального разрешения усугублю. А где же обещанная одежда от госбезопасности? Ждем-с.

Одежда вместе с лейтенантом Васей появилась только после обеда. При этом лейтенант вид имел несколько взъерошенный.

– Вы знаете, Аня! А ведь Ботвинник вчера действительно проиграл. Хотя, как сказали комментаторы, мог и выиграть. Капитан чуть по стенке не пошел, когда шахматные новости услышал. Все ходил и «волхвов чертовых» поминал. Оказывается, товарищ капитан пару лет назад играл с ним в сеансе одновременной игры и сделал ничью. С того времени он за Ботвинника болеет. А теперь велел заодно выяснить, как дальше матч-турнир пойдет.

Я для виду помолчала минут пять, а потом выдала:

– Ботвинник все равно победит. И наберет не меньше 13 очков.

В памяти у меня отложилось 13,5, но лишняя точность может только повредить.

– Да? Ну, тогда обрадую его, когда вернусь в отдел. А пока вот вам одежда. Переодевайтесь, берите вещи и поехали на ваше новое место жительства.

Одежда оказалась женской и по объему вполне подошла – вот только по росту маловата. Особенно пальто, из рукавов

которого руки торчали, как две палки. Заподозрила, что это от его бывшей невесты. Ладно, пока сойдет и такая.

– Товарищ лейтенант! Но мне для проведения занятий потребуется что-то спортивное – тренировочные штаны и, например, гимнастерка.

– Так вы же не сегодня начнете вести занятия?

– Не сегодня, а завтра с утра. Значит, сегодня нужно эту одежду приготовить.

– А что, вы завтра уже полностью будете в норме?

– В полной норме – нет. Бегать, подтягиваться и кувыряться – дня три подожду, но общий комплекс уже смогу вести. Кстати, есть какие-нибудь руководства, инструкции, книжки? Или все придумывать самой?

– Книжек, кажется, нет, но и придумывать не придется. Там пока особист такие занятия проводит. Он и введет вас в курс дела.

Вот и особист нарисовался. Окружают со всех сторон. Ничего, это, как я точно знаю, ненадолго.

На мотоцикле сначала мы поехали к фотографу. Там я смотрела, как вылетает птичка из фотоаппарата такой древности, какие в мое время можно было увидеть только в музеях или в частных коллекциях.

– Это на документы, – пояснил Вася.

Затем мы еще протряслись минут десять, пока Вася не остановил мотоцикл около большой избы. Войдя через просторные сени, мы оказались в комнате, из которой вели три

двери.

– Вот, Аня, располагайтесь. Ваша комната направо, налево моя, а прямо – комната нашей хозяйки, Марфы Ивановны. Удобства и баня во дворе. Около бани конура, но не беспокойтесь – Тузик своих жильцов не трогает.

Моя комната оказалась малюсенькой, впрочем, для узенькой койки, застеленной не новым, но чисто стиранным бельем, стула и небольшого шкафа места хватало.

А больше мне пока не положено. Тузиком оказалась здоровенная дворняга вся в клочьях шерсти – наверняка линяет. Кстати, надо бы эту шерсть с него собрать – в хозяйстве, а точнее при простудах, пригодится. Но это на потом. Тем временем лейтенант продолжал:

– Сегодня я отвезу вас в роту и представлю командиру, а завтра вы уже будете добираться сами. Тут каждое утро в 6.30 проезжает машина, которая везет в роту продукты. Шофер будет предупрежден. Он остановится на пару минут и вас заберет. Долго машина ждать не может, так как в 7.00 повар должен начать готовить завтрак, который там начинается в 8.00. Вечером на этой же машине вы будете возвращаться домой. Если же в роте придется задержаться, то вас привезет кто-нибудь из командиров. А сейчас вам двадцать минут на то, чтобы освоить комнату, после чего едем в роту.

Издевается. Чего ее осваивать. Бросила сумочку – в роте с дамской сумочкой как-то не то, – посмотрелась в небольшое зеркало около окошка и готова. Могу ехать.

Глава 6

Дорога до роты заняла минут двадцать. Пожалуй, вместо зарядки можно от дома добежать до роты за час. Так что к машине можно будет не привязываться. Интересно только, как мои «пастыри» это воспримут? Надо будет этот вопрос провентилировать.

К роте мы подъехали, по моим прикидкам, около пяти вечера. Солдаты как раз возвращались со стрельб. Лейтенант зашел в дом, где, как я поняла, находилось начальство, и через пару минут вышел со старшим лейтенантом.

– Так это вы будете вести занятия по физподготовке? Тогда пойдемте, сейчас будет построение всей роты, и я вас представлю. А с завтрашнего утра вы начнете занятия по взводам. Расписание я вам потом покажу.

Мы втроем пошли на плац, где выстроилась вся рота – по моим прикидкам, около 100 человек.

Старший лейтенант скомандовал:

– Рота, стой! Смирно! Равнение на середину.

– Товарищи бойцы! Вы знаете, что три дня назад сержант Приходько ехал в автобусе, который попал в засаду. Сейчас он в госпитале, его жизнь вне опасности, но еще месяц он будет лечиться. А пока вместо него занятия по физподготовке будет проводить вот эта девушка, Шахматова Анна Петровна.

Она. У меня уже и фамилия появилась, и отчество! А почему Петровна?

Старлей тем временем продолжал:

– Вы не смотрите, что она такая хрупкая. Она ехала в том же автобусе, получила ранение и тем не менее без оружия, голыми руками, сумела скрутить одного из бандитов. Товарищи Петров и Акинин могут вам подтвердить все это. Они потом доставляли этого бандита в НКВД.

Ну, вогнал меня в краску. Надо же, так подставить! Интересно, это ему лейтенант Вася подсказал или он сам додумался?

Бойцы тем временем одобрительно зашумели.

– Анна Петровна, не хотите сказать несколько слов? – обратился старлей ко мне.

Делать нечего, назвался груздем – полезай в кузов.

– Здравствуйте, товарищи бойцы!

Тут я сделала небольшую паузу, а вся рота вдруг рывкнула: «Здравия желаем!»

– Первые несколько дней я не смогу лично показывать все упражнения. Заранее прошу простить, что некоторые упражнения будут показывать ваши спортсмены. Но через неделю обещаю полную программу, а для желающих, с разрешения командира, буду проводить еще дополнительные занятия. Вопросы есть?

– Вопросов пока нет, – вмешался старлей. – Но они наверняка будут. Когда пойдут занятия. А сейчас идемте в штаб.

Когда мы зашли в помещение штаба, я решила сделать первую попытку.

– Товарищ старший лейтенант. А можно мне тоже стрелять вместе с бойцами?

– А вы умеете?

– Точно не помню, но кажется, что умею.

– Ладно. Учтем это в расписании. А теперь, Василий, можешь увозить гостью.

И мы поехали домой.

Дома я решила немного прояснить ситуацию и сама устроила допрос лейтенанту:

– Скажите, товарищ лейтенант, с какого перепугу старлей вдруг так меня стал расхваливать, что даже неудобно стало?

– Я это ему посоветовал. Так вам будет проще наладить контакт с бойцами.

– Но ведь я реально-то практически ничего не сделала. Ну, подставила ногу тому бандюку, ну, стукнула.

– Знаете, Аня, вы, кажется, не представляете, как работают в НКГБ. Не считайте нас дураками. Я вытряс все, что можно, из того бандита. В это входило все и то, как его захватили. Потом поговорил с нашим медэкспертом, который строение человеческого тела знает назубок. Так вот, по словам эксперта, удар был нанесен с нужной силой и в нужную точку. Сильнее – мы получили бы покойника. Чуть в сторону – и он бы не потерял сознание на целый час. Для уточнения деталей я, как уже говорил, поехал на место проис-

шестивия. Там полазал и задумался. В месте, где вы лежали, остались четкие следы. Значит, положение тела можно было определить достаточно точно. Место, куда грохнулся тот мужик, тоже было хорошо видно. Рост у нас с вами примерно одинаковый. Я лег на ваше место и попробовал представить, как бы я действовал. Честно скажу, не уверен, что из такого положения сумел бы нанести такой удар. Все это я изложил товарищу капитану, ну а он после встречи с вами и принял решение. И он же и посоветовал так представить вас бойцам.

– Ладно, с этим понятно. Еще вопрос про мои данные. Шахматова – да, а почему Петровна, а не Игоревна или Николаевна?

Тут лейтенант немного замялся, а потом выпалил:

– По Пушкину. Помните, как звали Керн, которой он посвятил стихи «Я помню чудное мгновенье...»? Анна Петровна. Вот по ассоциации так и получилось с отчеством.

Тут я вспомнила старую шутку, которую слышала по телевизору на каком-то КВН.

– А я читала версию, в которой говорилось, что он посвятил ей совсем другие стихи.

– Какие же? – заинтересовался лейтенант Вася.

– Люблю тебя, Петра творенье!

Лейтенант несколько секунд сидел, вытаращив глаза, но потом до него дошло. На его ржанье (смехом это было назвать нельзя) выглянула даже наша Марфа Ивановна.

– У вас все в порядке, Васенька?

Отвечать Васенька не мог, только замахал руками, что все, мол, в порядке.

Отдышавшись, он налил из графина воды, выпил полный стакан и уже более осмысленно посмотрел на меня:

– Скажите, Аня, а что ваша память говорит насчет вашего мужа?

Вот это прямо в точку! Он ведь все про мое состояние знает – доктор рассказал, – поэтому, учитывая реалии этого времени, когда сексуальной революцией еще и не пахнет, вопрос вполне к месту. И как прикажете на него отвечать?

– Видите ли, товарищ лейтенант, мне кажется, что мужа у меня нет и не было. Иначе, по моему возрасту, зарегистрироваться мы могли совсем недавно, а вряд ли новоиспеченный муж так просто отпустил бы меня одну в эту поездку. Но этот вопрос вызывает у меня еще какие-то неприятные подсознательные ассоциации, поэтому, если не возражаете, уйдем от этой темы.

– Да, конечно. Если вам неприятно, то не будем. Да, уже поздно, а завтра рано вставать. Спокойной ночи.

– Товарищ лейтенант! У меня нет будильника.

– Не волнуйтесь, Марфа Ивановна разбудит. Она как раз в это время возвращается с утренней дойки. Еще раз спокойной ночи.

Кому спокойной, а кому и нет. Надо бы немного пораскинуть мозгами. Навскидку вдруг проявились два вопроса. Почему я вызвала у лейтенанта Васи ассоциацию с «чудным

мгновением»? И почему вдруг именно в этом контексте возник вопрос о моем возможном замужестве? А может быть, я все усложняю? Запишем пока все это в непонятки и отложим на потом, потому как мозги уже перекипели, и действительно поздно, и пора спать.

Что-то будет завтра?

– Анечка, пора вставать.

Это голос Марфы Ивановны. А вставать совсем не хочется. За окном хмурое мартовско-апрельское утро и холодно. Но мужественно сползаю с кровати и влезаю в свою одежду. Выхожу на улицу, посещаю все удобства и, умытая, возвращаюсь в дом. В общей комнате, кажется, раньше такие комнаты называли горницами, впрочем, точно не помню, на столе стоит стакан молока, накрытый куском хлеба. Выпиваю – молоко кажется каким-то странным – чуть теплое, чуть розоватое и чуть сладкое. А, сообразила! Это же парное! В мое время такого почти нигде не осталось. Во всяком случае, в Москве его точно нигде нельзя было достать – разве что завести корову в своей квартире. Представив корову на нашей лоджии и маму, решившую ее утречком подоить, я хихикнула.

После такого, казалось бы, очень легкого завтрака чувство голода практически исчезло. Это хорошо! Легче будет включаться в работу. Осмотрелась и увидела, что около двери в мою комнату на стуле лежит какая-то одежда и рядом сто-

ят ботинки. Ясно, это лейтенант Вася позаботился о спортивной форме – отдал свою. Схватила и побежала в комнату переодеваться. Действительно, рост у нас почти одинаковый, так что его шаровары пришлись мне впору, а с талии им не позволяла соскальзывать добротная резинка. Гимнастерка чуть свободна, зато скрадывает мой третий номер. Заправила ее в штаны – теперь точно не спадут. Вот ботинки великоваты. Попрошу в роте, может, что подберут. Народ ведь в первой половине двадцатого века был некрупный, значит, и небольшие размеры имеются. А пока обую свои туфли.

Прихватила плащ, который лежал на том же стуле, и выскочила на улицу. Как раз вовремя. Буквально через минуту подъехала машина, хотя, на мой взгляд, взгляд человека из двадцать первого века, называть эту колымагу на четырех колесах машиной как-то странно. Больше всего к ней подходило название «пепелац»⁶. Эх, сюда бы наш «ниссан-пэтрол»! Запрыгнула в кабину к водителю, и пепелац двинулся в сторону роты. По дороге вспомнилась поговорка: «Лучше плохо ехать, чем хорошо идти». Неправильная поговорка! Насчет плохо ехать – это в точку, а идти, точнее, бежать, если без дождя, будет намного лучше и полезнее. Приду в норму – точно буду на работу бегать, а не растрясать внутренности.

Вчера, когда я ехала с лейтенантом на мотоцикле, нас сра-

⁶ Пепелац – средство передвижения из фильма «Кин-дза-дза». Скрипит, дребезжит, но перемещается. А с гравипапой так вообще летает даже между планетами.

зу пропустили, заранее подняв шлагбаум. В этот раз машина остановилась, часовой внимательно осмотрел ее снаружи, заглянул в кузов под тент, затем наклонился и осмотрел ее снизу. Потом предложил мне остаться у шлагбаума, а шоферу сделал отмашку.

– Подождите, товарищ Шахматова, сейчас за вами придут.

Понятно. Он меня запомнил в лицо, но порядок есть порядок. Жду. Через пару минут возник вчерашний старший лейтенант.

– Здравия желаю, товарищ Шахматова. Идемте со мной.

Пришли, как я поняла, в его кабинет с двумя портретами на стене. Один – ясно Сталина. Похожий я видела в фильмах. А вот на втором был изображен какой-то мужик средних лет, в гимнастерке, с залысынами и в тонких очках – кажется, такие очки называются пенсне. Этот мне незнаком. Надо будет втихую косвенными намеками выяснить, кто это. Понятно, что из правительства и что, скорее всего, начальник всего НКВД, только вот как его зовут? Эх, плохо я учила историю. И рассказы отца и деда слушала невнимательно, прерывая их непочтительным: «Не надо меня грузить!» Теперь может аукнуться.

Тем временем старлей предложил мне стул, сам сел за стол и уставился на меня.

– Товарищ Шахматова. Прежде всего не возражаете, если мы перейдем на «ты»? Меня зовут Сергей.

– Хорошо. А меня, как вы знаете, Аня.

– Вот и отлично.

Он откинулся на спинку стула и продолжил:

– Мне Василий вкратце рассказал твою историю. Только сначала хочу предложить сменить твою одежду, происхождение которой мне понятно, на что-то более подходящее для проведения занятий.

Он высунулся в окно и крикнул: «Старшину ко мне!» Возник старшина.

– Товарищ Полищук. Ставлю задачу – подобрать для товарища Шахматовой форму, в которой она будет проводить занятия. И сапоги не забудь.

– Понял, товарищу старший лейтенант. Для такой гарной дивчины обязательно усе подберу по першому разряду.

– Для тебя она товарищ Шахматова, инструктор по физподготовке.

– Да поняв я, тильки все равно она гарна дивчина.

– Иди, – не удержался от улыбки старлей. Я тоже хихикнула. – Ну вот, пока будет решаться вопрос с формой и есть еще время до завтрака, а он у нас в 8.00, давай выясним, что ты можешь? Рассказывай.

– Сначала скажу, что точно не могу. Не знаю штыковой бой – этому меня не учили.

– Понятно. А что все-таки ты можешь?

– Практически любые гимнастические упражнения.

Тут я села на шпагат, потом встала, прогнулась назад в мостик и через руки снова встала в стойку. Затем сделала

шпагат в стойке.

– Хорошо, с гимнастикой все в порядке, хотя шпагаты и мостики мы не требуем. А как насчет рукопашного боя.

– Спортивное самбо, боевое самбо – защита от ножа и любых предметов, болевые приемы в стойке и лежа, бой в ограниченном пространстве, спецудары.

– Что за спецудары? Что-то кроме бокса?

– Ну, бокс я вообще не знаю, а один из таких ударов сейчас покажу. Дай листок бумаги, чистый, исписанный – любой.

Он заинтересованно взял со стола тетрадку, оторвал листок и протянул мне:

– Годится?

– Вполне.

Я подбросила листок и, пока он плавно падал, проткнула его указательным пальцем сбоку, а потом догнала и проткнула средним пальцем сверху вниз. Победно посмотрела на Сергея и выпала в осадок!

Он буквально посерел.

– Ну Василий, ну змей! Так мне удружить!

Потом взглянул на меня и буквально прошипел:

– Запомни! НИКОГДА и никому из бойцов не показывай ЭТИ удары. А обучать им будешь только командиров, причем не всех, а по списку, утвержденному командиром нашего отряда.

Затем, несколько успокоившись и приглушив голос, начал говорить:

– У меня есть друг, который служит в НКВД в... ну не важно. Важно, что служит. Пару лет назад он, участвуя в работе очередного заседания Коминтерна, познакомился с одним японским товарищем. И вот тот показал ему такой удар. А когда приятель попросил его научить этому удару, японец быстро увял, начал бормотать, что под угрозой смерти не может этого сделать и что даже если бы и стал, то такому удару нужно будет учиться много-много лет. Потом наши спецы искали методики, но нашли или нет – мой друг так и не узнал. А тут неизвестно откуда появляется, извини, малолетка, которая мимоходом показывает этот удар, причем даже два подряд. Кстати, а Василий про это знает?

– Нет, просто случая не было ему показать.

– И пока не показывай. А кто и как научил тебя этому удару, ты, конечно, не помнишь?

На самом деле я прекрасно помнила. Сэнсэй, у которого я после самбо пару лет занималась карате, натаскал меня на этот удар довольно быстро. «Главное, – как говорил он, – желание и упорство». Вот только про это ТУТ говорить я не могу.

– Кто – не помню, а как, кажется, знаю и готова попробовать провести занятия. И еще уверена, что про много-много лет тот японец соврал.

– Насчет соврал – я тоже так думаю, но про такие удары пока забудь, а рукопашкой – можно со стандартными ударами – займись. И еще... У нас два взвода опытных бойцов,

один – середняки, а один составлен из новичков. Планируй занятия соответственно их уровню. Теперь идем завтракать, а потом, пока бойцы будут на занятиях по спецпредметам, успеешь обмундироваться. И еще – тут бойцы НКВД. Штыковой бой для них не является самым важным. Короче, всю первую неделю только гимнастика. Что и как – сама решай. Будут вопросы – заходи.

Глава 7

После беседы я пошла в столовую, расположение которой легко определила носом – уж больно вкусно пахло. Кажется, здесь я могу потолстеть. В Москве я так много каш и с таким аппетитом никогда не лопала. А фрукты весной тут отсутствуют – разве что какие-нибудь моченые яблоки. Где же весной взять витамины? Посмотрела вокруг и увидела бадеечку с квашеной капустой, из которой можно было брать без ограничения. Вот главный источник витаминов весной. Я тут даже вспомнила, что знаменитый мореплаватель Джеймс Кук (*которого съели аборигены*) ставил себе в заслугу, что первым придумал брать в дальнее плавание бочки с квашеной капустой.⁷

После завтрака – очередной каши с хлебом, кусочком масла и сладким чаем, ко мне подошел старшина Полищук и позвал на примерку. Глазомер у него оказался точный, и еще через полчаса я уже была готова к проведению занятий. Времени до начала занятий оставалось больше часа, поэтому я принялась составлять планы тренировок. Для первых двух

⁷ Грузоподъемность парусных кораблей была относительно невысокой, поэтому нужно было еду брать по минимуму. Понятно, что высококалорийное мясо занимает гораздо меньше места, чем низкокалорийная капуста, но без витаминов моряки заболевали цингой. Кук первым понял, что нужно пожертвовать свободным пространством, но брать в плавание источник витаминов.

взводов со слабой подготовкой упор на растяжки, силовые упражнения и турник. Все это до обеда. Два взвода после обеда – это усиленная гимнастика и проверка базовых навыков по рукопашному бою: захваты, освобождения, работа с обеих рук. Эти упражнения я хорошо помнила, тем более что некоторые из них после самбо я закрепляла в карате.

К началу первого занятия подошел Сергей. Минут пятнадцать посмотрел и, видимо удовлетворенный, ушел. После обеда я ухитрилась найти закуток и поспать – организм продолжал восстановительную работу. Бойцы в это время занимались теорией и политучебой. На занятиях по рукопашному бою особо напрягаться не пришлось. Базовые приемы бойцы уже знали, и я только исправляла некоторые огрехи. В семь вечера, после ужина, появился Василий, зашел к Сергею, минут двадцать там проторчал, вышел задумчивый, помахал рукой, и мы поехали домой. Я уже решила, что все прошло в норме, но дома лейтенант Вася мне устроил очередной допрос:

– Что вы сегодня натворили? Сергей о вас говорил с какой-то дрожью в голосе, но от подробностей отказался. Сказал только, что мы с капитаном ему крепко подсуропили.

– Что сделали?

– Подсуропили. Не понимаете? Ну да, вы городская и, кажется, из интеллигентов. Подсуропить – это значит сделать какую-то гадость. Так что это за гадость?

– Видите ли, товарищ лейтенант. Я просто показывала,

что умею. И оказалось, что знаю прием, методика которого в НКВД либо вообще неизвестна, либо известна очень немногим.

– Что за прием?

– Извините, но на этот вопрос мне пока запретили отвечать. Вот Сергей со своим командиром составят список командиров, которым можно будет его изучать, тогда и расскажу.

– Вот даже как!

Он опять как-то странно посмотрел на меня. Как будто решал: сейчас съесть или отложить на завтра. По-моему, решил отложить на завтра. Попробую теперь взять инициативу в свои руки.

– Товарищ лейтенант. Можно мы будем с вами на «ты»? А то живем в одном доме – и все время обращаться товарищ лейтенант?

– Ладно, дома зови Васей. А официально можешь называть Василий Федорович.

– Ой, спасибо, Вася.

Остаток вечера провела, читая единственную книгу, попавшую сюда со мной из будущего. Эх, где мой любимый Интернет! А засыпая, вдруг подумала, что Анна Петровна Северова тоже будет звучать совсем неплохо.

Всю неделю я моталась утром на пепелаце в роту (*все время боялась, что забудусь и произнесу это название вслух*), а вечером возвращалась на том же пепелаце. Правда, в один

из дней домой меня привез Вася.

К концу недели я уже полностью пришла в себя и в субботу провела небольшое показательное выступление. Разбег, пару раз подъем разгибом, потом переход на шпагат, прогиб назад и подъем через мостик в стойку. Прошлась колесом по площадке. Затем вращения на турнике. И в заключение небольшая пробежка на руках, в конце которой три отжимания вверх ногами. Зрители, то есть бойцы, впечатлились. Настало время объяснить всем им важность растяжек и гибкости. Беда была в том, что подавляющее количество бойцов умели только читать, писать и немного считать. Законы физики и тем более анатомия для них темный лес. Поэтому просто сказала, что без упомянутых растяжек они никогда не сумеют в полной мере овладеть всеми приемами. Просила поверить мне на слово. Кажется, уговорила.

Для двух взводов со «старичками» добавила бой с двумя противниками. Им тоже говорила про растяжки. Но с этими легче. Все-таки служба в армии, а тем более в войсках НКВД, повышает общий уровень и интеллект.

В субботу банный день, поэтому вернулась раньше – привез Сергей, у которого оказались какие-то дела в здании НКГБ. От нас, кстати, это здание находится минутах в пяти пешего ходу. Вася рассказал, что до освобождения в этом доме жил помещик, а в том доме, где мы квартируем, жили его слуги. Перед самым приходом Красной Армии помещик убежал и все слуги удрали вместе с ним. Осталась только

Марфа Ивановна. Ей бежать было не к кому, а новой власти она не боялась. Вот и осталась она хозяйкой нашей небольшой общаги.

Вася тоже закончил свои дела раньше, и я упросила его немного пройти со мной по городку. Вспомнила и задала важный вопрос:

– Вася, а можно здесь у кого-нибудь брать уроки немецкого языка? Все-таки граница Германии недалеко, поэтому хорошо знать язык соседа. Я-то на немецком знаю только несколько ругательств.

Он несколько оторопело посмотрел на меня:

– И где же ты их выучила?

– Да не учила я их совсем. Просто читала «Похождения бравого солдата Швейка», а там этих ругательств хватает. И почему-то такие выражения легче всего запоминаются.

– И какие же ругательства ты запомнила?

– Donnerwetter⁸, Leken Sie mir Arsh.⁹

Услышав второе выражение, Вася вдруг ехидно усмехнулся и заявил:

– Я не прочь!

Я вначале не поняла, но потом до меня дошло. Ой, как стыдно! Вот змей, заставил честную девушку так краснеть. Он знает перевод и понял, что я это поняла. Но делать нечего. Надо тему продолжать.

⁸ Черт побери (нем.).

⁹ Поцелуй меня в зад (нем.).

– Так как с немецким?

– Тут со старых времен остался некий Оскар Францевич. Он сейчас учит детей в школе немецкому. Мы за ним при-
сматриваем, но пока все чисто. Можешь попробовать позаниматься с ним, я поговорю – органам он не откажет. Только следи за собой. Ничего лишнего. Учишься, платишь за учебу продуктами (я помогу), и все. Точка. Никаких разговоров о себе и тем более обо мне и о твоей работе. А будет спрашивать – сообщай мне. Пойми, это может оказаться серьезно.

– Поняла. Буду учиться и тебе докладывать. А теперь вопрос из другой оперы. Скажи, вот то нападение, в котором я случайно участвовала, произошло далеко отсюда?

– Что считать далеко. По расстоянию примерно километров пять. Пешком далеко, на мотоцикле почти рядом. А что тебя интересует?

– Да вот, завтра воскресенье – занятий нет, хочу сходить туда. Может, если окажусь на том месте, то память вернется.

– Ну сходи, попробуй. Только у меня завтра будут дела, и тебе придется добираться туда одной. Не боишься?

– А чего бояться. О том, что я туда собираюсь, знаешь только ты. Никто за мной здесь не следит. Да и туда я не пешком пойду, а устрою пробежку. Фиг меня кто догонит. Автомобили-то только у наших.

– Ну, ты рискованная девушка. Ладно, в конце концов, это твоя голова.

Утром, сразу после традиционного стакана молока с хле-

бом, я оделась в свою тренировочную форму, вышла, осмотрелась и побежала. Прохладное апрельское утро, но солнышко уже встает. Днем будет тепло. А мне надо найти рюкзак, кое-что оттуда достать, а остальное перепрятать подальше и понадежнее. Воздух чистый, сплошная экология, бежать одно удовольствие! Только надо отсчитывать километры. Впрочем, если поглядывать на кювет, то следы свалившегося туда автобуса еще должны быть хорошо заметны.

Так оно и оказалось! Следы колес, поломанные ветки кустарника я увидела издалека. Время не засекала, но по внутренним часам так примерно и выходило, что минут за сорок пробежала около пяти километров.

Осмотрелась – никого. Теперь в лес. Вот, кажется, где я лежала? Так, а где та ель? Ух, в темноте я не разглядела, а теперь вижу, что тут несколько больших елок. Придется залезать под каждую. И при этом следить, чтобы на одежде не осталось иголок, а то могут возникнуть непредвиденные и очень нежелательные вопросы. Например, куда перепрятала парашют? Поэтому сначала выломаем палку – вот эта подойдет. Через пару минут я поднимала палкой нижние ветки и разглядывала, что там внизу. У третьей елки мне повезло. Вот он, рюкзачок! Как я по тебе соскучилась. Теперь можно не беспокоиться за лекарства, за инвентарь и вообще подготовка теперь пойдет по плану. Вот только как его поаккуратней вытащить? Я остановилась и призадумалась. Вдруг за спиной раздался знакомый голос:

– Тебе помочь, Анна Николаевна Истомина?

Я подскочила от неожиданности и развернулась. Конечно, это стоял лейтенант Вася, заложив руки за спину, и радостно лыбился на меня. От неожиданности я ляпнула полную глупость:

– А как ты сюда попал?

Он улыбнулся еще шире и ничего не ответил на этот дурацкий вопрос. Он знал место и знал, что я тут буду. И либо приехал заранее, либо пробрался какими-нибудь тропками, срезав часть пути. Скорее первое. Мотоциклом быстрее, чем бегом, поэтому я ничего и не услышала – он меня просто здесь ждал.

– А как ты узнал о рюкзаке?

Вася на этот вопрос весело хмыкнул и ответил:

– Ты была слишком легко одета для конца марта, поэтому я предположил, что твои вещи остались где-то в лесу. Приехал и искал.

– Так что, теперь ты меня арестуешь? И где взвод автоматчиков, которых я сама же и натренировала?

– А за что арестовывать? За то, что рюкзак в лесу спрятала? Так я пока даже Валентину Петровичу ничего не доложил – признаюсь в должностном проступке. Поэтому и никакого взвода здесь нет.

– Ты хочешь сказать, что о рюкзаке, кроме тебя, никто ничего не знает?

– Именно так.

– И не боишься, что ради сохранения тайны я тебя здесь пристукну и хорошенько запрячу? Пока еще найдут. А тем временем выполняю все свои шпионские задания?

Моим голосом можно было, наверное, заморозить бочку кипящей воды. Но Вася даже не подумал вытаскивать руки из-за спины. А его револьвер оставался в кобуре.

– Ну, во-первых, никакая ты не шпионка, а просто за-чем-то попала сюда из будущего. Надеюсь, что мне расска-жешь, зачем именно. Во-вторых, ты никогда не убивала лю-дей, хотя и умеешь это делать. Не думаю, что захочешь на-чать с меня. Но главное, что я хочу предложить вариант, ко-торый, очень надеюсь, понравится тебе намного больше, чем убийство лейтенанта госбезопасности.

В голове у меня застучали молоточки. Я начала догады-ваться, какой вариант собирается предложить лейтенант Ва-ся. Но хотела, чтобы он высказался до конца. Надо его под-толкнуть.

– Попробуй предложи. Но это должно быть действительно интересное предложение.

Он вздохнул, посмотрел на меня, еще раз глубоко вздох-нул и сказал:

– Выходи за меня замуж.

Я уже была готова к этим словам, но все равно крепче схватилась за палку, чтобы не упасть.

– А как товарищ капитан отнесется к твоей женитьбе на девушке ниоткуда, без памяти и без документов?

– Я не получил ответа на свой вопрос, поэтому пока на твои вопросы не отвечаю.

Ну что. Все понятно. Мне сделано предложение, от которого я не могу, а главное, гори оно все огнем, не хочу отказаться.

– Так ты вопроса не задал, ты сделал предложение, – я решила хоть на чуть-чуть затянуть свой ответ, – на которое я, по зрелом, пятисекундном размышлении, решила согласиться.

Глава 8

С этими словами я подлетела к нему и ухватила так, что мы оба чуть не грохнулись на землю. Он тоже обхватил меня, и минут на пять мы выключились. Наконец, я чуть отстранилась и повторила вопрос: «А как отнесется начальство?» Тут Вася повел меня к тому стволу, на котором я уже сидела дней десять назад, усадил, сел рядом, обнял и заговорил:

– Совершаю еще одно должностное преступление. Передаю разговор, который состоялся у меня с капитаном после той вашей встречи и игры в шахматы.

Валентин Петрович тогда зашел в кабинет, приказал мне сесть, сам уселся за столом и стал поглаживать затылок – значит, не мог решить, с чего начать. Наконец он спросил:

– Ну и как тебе эта больная на голову, но прекрасно играющая в шахматы и свободно цитирующая точно к месту не очень распространенные литературные произведения девица?

Сама понимаешь, отмолчаться я не мог, а выкладывать все, что выяснил, не хотел, потому что не знал, как Валентин Петрович к этому отнесется.

– Странная девица, товарищ капитан. Видно, что не местная и что оказалась совершенно не готова к той ситуации, в которую попала. Но на шпионку не тянет. Ни по

возрасту, ни по поведению. А с этой странной потерей памяти вообще ничего понять не могу. Это помнит, а это не помнит. Пока ей предъявить совершенно нечего, кроме того, что помогла захватить живьем Таращука. Но этот факт ей в плюс, а не в минус. Да, документов нет, плохо, но это не по нашей части – это к милиции. Хотя я бы не торопился туда переправлять ее дело. Но собственно, и дела-то нет. Есть просто бумага, на которой я уже изложил эти свои соображения и которую подшил в папку. Как эта папка будет пополняться и будет ли пополняться вообще, я пока не знаю.

Капитан снова помолчал и продолжил:

– А теперь слушай меня внимательно, Василий. Папку твою я, конечно, уже просмотрел. Про подобные потери памяти мне известно. Врачи называют это ретроградной амнезией. Так считает и Сергей Палыч. НО! Эта девчонка все или почти все врет. Доктор хорошо разбирается в сотрясениях, но я еще лучше разбираюсь в людях. Никакой амнезии у нее нет, все она прекрасно помнит. Это первое. Просто она, как ты правильно отметил, неожиданно попала в совершенно незнакомую для себя ситуацию без документов и без денег, да еще и голову повредила. Вот и выкручивается, как умеет. Допуская при этом одну ошибку за другой. Второе. Никакая она не шпионка – это тоже очевидно. Не те реакции, не те приемы. Не тот взгляд, если хочешь. А про возраст я уже и не говорю. В глазах сильнейшее беспо-

койство, но нет никакого страха перед органами. Значит, беспокойство связано с чем-то другим. Вот и выясни с чем. Материалы по ней мы никуда передавать не будем. Начальство голые факты не очень-то любит. Ему сразу нужны и факты, и анализ, и рекомендации. А у нас, кроме куцых даже не фактов, а фактиков, ничегошеньки нет. Милицию пока оставим в стороне. Короче, возьми ее под плотный контроль или, скорее, не под контроль, а под опеку. Знаешь, я недавно читал детям сказку про двух лягушек, попавших в сметану. Одна побарахталась, решила, что все бесполезно, и утонула. А вторая барахталась из всех сил, не сдавалась, в конце концов, сбила из сметаны масло и выпрыгнула. Вот эта девица чем-то напомнила мне вторую лягушку. Она всегда будет барахтаться и никогда не сдастся. Так что пристрой ее на работу. Может, она действительно окажется неплохим преподавателем физкультуры. Попробуй ее в работе.

А в конце добавил еще слова, которые я от него совсем не ожидал:

– Вот тебе бы такую жену. Она не чета той вертихвостке. На эту всегда сможешь положиться.

– Так, значит, ты просто выполняешь пожелание капитана? – как бы возмутилась я. – А у самого глаза где были?

– Глаза были где надо. Я ведь к этому времени уже исследовал твой рюкзак, видел твой странный паспорт, в котором зафиксировал главное – что ты 1990 года рождения и что те-

бе сейчас девятнадцать лет, – у тебя там оказалась свежая по виду газета, датированная 2009 годом, а арифметику я знаю. По математической книжке можно сказать, что ты учишься в техническом высшем учебном заведении. Осталось неизвестным только, зачем и как ты сюда попала.

– Вот на это, как любит говорить мой папуля, наука дает совершенно точный ответ – неизвестно. Села в свое время в рейсовый автобус в Барановичах ехать к бабушке в Гродно, задремала, а проснулась в момент аварии уже в этом автобусе и в этом времени.

– Но ведь тебя беспокоит не только это?

– Да, не только. Но об этом немного позже. Сначала я хочу кое-что достать из рюкзака, а потом ты поможешь мне его хорошенько спрятать.

– А зачем прятать? Возьмем домой. Кто сунется смотреть вещи к лейтенанту госбезопасности?

– Надо спрятать, как я говорю, и не спорь с женой! Пусть даже с будущей.

Вася внимательно поглядел на меня, почесал в затылке и поставил рюкзак передо мной. У меня возникло одно неясное подозрение, которое я тут же решила проверить.

– Вася, ты передал ВСЕ слова капитана обо мне?

– Не все, – сознался он. – Он еще добавил, что ты станешь командовать мной еще строже, чем он.

– И тем не менее не побоялся сделать мне предложение?

– Не побоялся, потому что влюбился в тебя сразу, как

только увидел.

Мы еще раз отключились на несколько минут. После этого Вася подхватил рюкзак и под моим руководством потащил его в глубь леса. Метров через триста мы нашли подходящий клочок земли. Следуя моим ЦУ, Вася аккуратно срезал кусок дерна, вырыл яму нужных размеров, высыпая землю в текущий рядом ручеек, поместил в яму рюкзак, присыпал землей и сверху накрыл дерном. Все, через несколько дней, когда трава пойдет в рост, это место вообще без знания примет не найти.

– Так. А теперь хорошо бы отъехать в тихое безопасное место и поговорить. Давай, Вася. Ты тут должен все знать. Только учти. Никто нас слышать не должен.

Пока мы ехали, я думала, что, кажется, нашла намного больше, чем потеряла. И если бы не главная проблема – как выжить в войне, я бы, наверное, вообще выбросила мысли о возвращении в свое время. Но теперь придется грузить мужа такими проблемами, по сравнению с которыми все до сих пор происходящее – так, семечки. И думать нужно будет не только о себе, но и о супруге, потому что я действительно не приучена предавать кого бы то ни было. А тем более родного человека.

Сначала Вася привез меня на берег какого-то средних размеров озера. Но я это сразу забраковала. Мне было совершенно точно известно, что в тихую погоду звук по воде может распространяться на несколько сотен метров, а трансля-

ровать нашу беседу на всю округу я совсем не собиралась. Тогда мы поехали на поле, на котором где-то вдалеке тарахтел трактор. Это было уже лучше. Вася расстелил на пригорке свой плащ, и мы уселись, тесно прижавшись друг к другу. Эх, если бы не заботы! А так придется ждать до вечера.

– Вася, слушай меня внимательно и сразу не перебивай. Ты в курсе, что я из будущего, а значит, знаю наше прошлое, которое тут пока еще будущее. – *Во как завернула!* – Так вот. В моей истории 22 июня 1941 года Германия напала на СССР. И война закончилась нашей победой только 8 мая 1945 года. А 9 мая назначили праздником День Победы. Теперь задавай вопросы.

– Но ведь эти сведения нужно сразу передать в Москву. Там примут меры.

– Вот это как раз не только бесполезно, но и очень опасно. Подобную информацию передавали и передают по разным каналам наши разведчики. К сожалению, параллельно немцы гонят кучу дезинформации. Почему ты думаешь, что поверят именно тебе? Или поверят мне, даже если я докажу, что из будущего? Скорее всего, просто скажут, что мы английские шпионы, которые пытаются поссорить две дружественные страны. Но даже если поверят, то и это еще не все! Одна из главных причин поражений в первый год войны – это почти полная неготовность нашей армии. В армии очень плохо с радиосвязью, а проводная связь ненадежна и доступна для прослушивания. Мало того что младшие командиры

плохо стреляют, а некоторые бойцы не умеют стрелять вообще, так командиры на местах не выполняют прямых приказов товарища Сталина о подготовке к боевым действиям. Командарм Павлов и несколько других генералов, насколько я помню, во второй половине этого года получают свои заслуженные пули у стенки, только погибших по их халатности солдат уже не вернешь. Да, я еще помню, что Белоруссию немцы прошли очень быстро. Они вообще сумели дойти до Москвы, и только в декабре их первый раз крупно щелкнули по носу, отбросив от Москвы на двести километров.

– Так, и что ты предлагаешь делать? Сидеть сложа руки и ждать?

– Как раз нет. Что нам, точнее мне, известно достаточно точно. Что 22 июня этого года, согласно утвержденному Гитлером «Плану Барбаросса», в 4 часа утра (или чуть раньше) начнется сначала артобстрел, а потом и бомбардировки приграничных районов Белоруссии, Украины и прибалтийских республик. Первый удар примут на себя пограничники. Точнее, те из них, кто не погибнет в казармах во время обстрела и бомбежек. Далее я помню, что начиная примерно с 20 июня диверсанты начали резать связь и спиливать столбы. И были еще два батальона, кажется, их названия «Бранденбург-800» и «Нахтигаль», укомплектованные выходцами из Советского Союза. Прекрасно владея русским языком, они выдавали себя за советских солдат, а в нужное время убивали часовых, предохраняли мосты от взрывов, захватывали

склады с оружием и боеприпасами. Вот тебе точки приложения наших сил. И еще. Извини, Васенька, но пока будет война, с детьми нам придется подождать. Я тебя одного не оставляю, в отличие от той дуры.

После этих слов мы в третий раз отключились уже минут на двадцать. Но когда Вася от поцелуев захотел перейти к более решительным действиям, я этот процесс притормозила, пообещав все компенсировать дома.

– Я очень не хотела бы вешать на тебя такой груз, но деваться просто некуда. Времени почти нет, а дел будет невпроворот. Давай сегодня над этим просто подумаем, а завтра после работы проведем первое оперативное совещание – видишь, я тоже немного знаю вашу терминологию.

– Тут, Анюта, непонятно как думать и как действовать. Мыслей сразу много, а как их упорядочить, пока не соображу. То надо сделать и это. И все в первую очередь, потому что до второй очереди дело, если события развернутся так, как ты говоришь, может и не дойти.

– Знаешь, Вася, меня в институте немного учили таким вещам. То есть учили составлять так называемый сетевой график. Надо выписать все работы, проставить их сроки и указать, какую работу нельзя начинать, пока не будет завершена некоторая предыдущая. В то же время некоторые работы можно выполнять параллельно. Рисуют линии, проставляют названия работ и число дней. Получается некоторая сетка – отсюда и название «сетевое планирование». Давай

попробуем. И начнем прямо сейчас, если у тебя есть бумага и карандаш.

– А ты представляешь, что будет, если подобную бумагу кто-нибудь увидит?

– Будет нечто среднее между плохо, очень плохо и хреново. Но все равно без плана не получится. Давай тогда так. Все, что придет на ум, нарисуем, обсудим, запомним и сразу эту бумагу сожжем. Итак, лейтенант Северов, слушай приказ – в течение пятнадцати минут обдумать ситуацию с учетом полученной информации. Потом доложить свои мысли!

– Есть, товарищ Северова, которая пока еще числится Шахматовой!

Я встала и стала разминать мышцы, которые немного затекли от долгого сидения. Вася, вместо того чтобы думать, уставился на меня. Пришлось цыкнуть, чтобы он сосредоточился и стал водить карандашом по бумаге.

Думал он даже дольше пятнадцати минут. Только примерно через полчаса, поглядывая на бумагу, Вася начал говорить:

– Значит, смотри. У меня есть контакты с начальниками особых отделов нескольких частей РККА, расположенных в радиусе примерно пятидесяти километров. Надо будет их посетить и, болтая о том о сем, выяснить ситуацию в их частях. Часто такие визиты делать не смогу – примерно один в неделю. Далее. Придется организовывать диверсионный отряд. Так понимаю, что костяк составит та рота НКВД, в ко-

торой ты сейчас ведешь занятия. А вот кто будет командовать – это пока вопрос. Их капитан хорош, когда нужно организовать задержание или захват какой-либо банды. Может ли он так же хорошо организовать диверсионный отряд – не знаю. Третье – нужно готовить базы в лесу, подальше от дорог. Доставить туда провизию и медикаменты. Оружие я достать не смогу – две-три винтовки и пяток пистолетов или револьверов с несколькими пачками патронов не в счет. Далее, нужны спецы – снайпер, сапер, а для раненых врач. И для разведки очень нужен человек, свободно говорящий на немецком. Потом очень важен моральный дух бойцов. Если наступление пойдет так, как ты говоришь, то многие могут растеряться и даже без боя сдаться в плен. Значит, нужно будет искать самых стойких. И наконец, нужно пройти по линиям связи и выбрать наиболее вероятные места для их разрыва. Там, в свое время, организуем засады.

Я подумала, дополнить не смогла, потому что профессионал все-таки он. Мне осталось только внимательно посмотреть на его записи. Два раза мысленно повторила и кивнула. Он тут же чиркнул спичкой, и бумажка сгорела.

Мы сели на мотоцикл и поехали домой. Боже, как было бы хорошо, если бы не эта проклятая дата!

Когда мы подъехали, Вася попросил меня погулять на воздухе минут двадцать, пока он «наведет должный порядок» в доме. Я ходила и гадала, что он там «наводит». Наконец, Вася выглянул и крикнул: «Заходи!»

Я зашла и каких-либо особых изменений в горнице не обнаружила. Но тут Вася подошел к двери своей комнаты и гордо распахнул ее. Его комната была раза в два больше моей, и теперь рядом с его кроватью стояла моя. А на прикроватном столике с моей стороны красовался стакан с подснежниками. Подснежники были свежие. Значит, этот хитрюга с самого начала был уверен в моем согласии и заранее подготовился. Надо показать, что оценила. Я восхищенно ахнула и сделала вид, что вот-вот упаду. Конечно, Вася подскочил и подхватил меня на руки. Я обняла его за шею и прошептала:

– Давай, лейтенант. Теперь все в твоих руках.

Что происходило дальше, трудно описать, поскольку все было в каком-то сладком тумане. По телу прокатывались волны одна за другой, и каждая следующая была прекрасней предыдущей.

Глава 9

Очнулась я неизвестно когда в невыносимо радостном настроении. Как только голова начала работать, мне вдруг пришла в голову мысль. Так вот чем отличается обычное траханье девчонки, старающейся не отстать от своих уже «образованных» подружек, с сексуально озабоченным подростком, который пытается доказать в первую очередь самому себе, что он уже настоящий мужчина, от занятия любовью с любимым человеком (*извините за тавтологию*). С этой мыслью я и заснула, уткнувшись Василию куда-то под мышку. Ночью он меня разбудил – захотел закрепить достигнутый результат. С моей стороны возражений не последовало, а даже как бы наоборот. И окончательно мы уснули ближе к рассвету.

Утром я поцеловала своего супруга в щеку и перед посадкой в подъехавший пепелац дала строгий наказ:

– Сегодня обязательно поговори с Валентином Петровичем. Скажи, что сделал мне предложение, на которое я согласилась, и выясни, можно ли как-нибудь зарегистрировать брак, если у невесты нет паспорта.

Этот день в роте я провела словно в угаре. Почувствовала, что здоровье в полном порядке, и устроила бойцам веселую жизнь. Сначала встала во главе строя, побежала, посоветовав не отставать. Бежали по стадиону кругами. Через десять кругов строй заметно растянулся, а еще через десять кругов

треть бойцов уже шаталась от усталости. Я тут же погнала всех на турник, сама несколько раз крутанула солнце и вызвала добровольцев. Вышел только один, пару раз качнулся и сел прямо под турником. С новичками все ясно. Слабая дыхалка, и сильно хромает техника бега. А ведь это только начало. Ну ничего, за два месяца тут кое-что сделать можно. Во всяком случае, десяток километров они у меня пробегать будут без проблем и на упражнения силы останутся. А что делать? Слабые погибнут в первые же дни. Я-то могу их пожалеть, а война – нет.

Для «стариков» я устроила полосу с МЗП¹⁰. Пока еще первого уровня, без серьезных подвохов. Мне важно было научить их проходить такие полосы без травм. Я помнила рассказы одного из знакомых деда, что при подготовке профессиональных диверсантов на МЗП сыпалось более семидесяти процентов солдат. Тут я такую роскошь не могла позволить. Скоро каждый боец будет на вес золота. Поэтому ограничилась только веревочными петлями и ямками. Конечно, нужны и колышки, но тогда пойдут переломы конечностей – а мне это надо?

Ну и для всех, разумеется, растяжка и гимнастика с включением лазания по деревьям.

А еще через неделю подойдет время рукопашного боя, постановки ударов, а также укрепления стоп и кистей рук. И совсем не обязательно показывать бойцам те, секретные здесь,

¹⁰ МЗП – малозаметные препятствия.

удары. Достаточно просто развить у бойцов резкость, на что никакого запрета не было (Сергей-то про эти методики не знал). А после выработки нужной резкости и укрепления конечностей практически любой удар ставится за пару месяцев.

То время, которое у меня оставалось до занятий после завтрака и после обеда (по уставу два часа после приема пищи было запрещено давать бойцам физическую нагрузку), сегодня я использовала максимально продуктивно. Я пошла на кухню, сделала жалобную физиономию и обратилась к повару:

– Иван Иванович, миленький! Я скоро выхожу замуж, а совсем не умею готовить. – *Между прочим, истинная правда, дома мы все доверяли готовку маме.* – Научите меня самым простым рецептам: как там кашу варить или суп.

Иван Иванович от моих слов растаял и обещал продиктовать несколько рецептов, чтобы «муж меня не стал бить за неумение готовить».

Вечером, приехав домой на том же пепелаце, я сунулась к Марфе Ивановне по поводу готовки. Но тут она меня моментально отшила:

– Ты, девонька, работаешь – и работай. А на кухню сюда не суйся. Для меня готовка в радость – все при деле. И тебя, и Васеньку я всегда накормлю. Вот только если какие продукты прикупишь, скажу спасибо. Мне ходить в магазин и стоять там в очереди за сахаром, маслом и мукой уже трудно.

Да и хозяйство свое не хочу надолго оставлять без присмотра – в нашем городке последнее время столько проходимцев развелось. Куда только НКВД смотрит!

– Так у вас Тузик для этого есть.

– И, милая. Ему только косточку брось, так он сам все поможет вынести. Вид только грозный – на это и надеюсь.

– Я поняла. Но поймите и вы меня. Я совсем не умею готовить, а что это за жена, которая не может накормить мужа. Давайте сделаем так. Готовите вы, но при этом меня учите. И говорите, какие продукты нужно покупать.

– Ну и ладно. И договорились. А сейчас иди, встречай мужа. Он вот-вот подъедет.

И действительно, стоило мне выйти на крыльцо, как подъехал мой лейтенант, сияющий, как медный пятак.

– Все решено и согласовано. В следующую субботу регистрация и свадьба. Про документы Валентин Петрович сказал, чтобы я не беспокоился – этот вопрос он решит. И я сразу пригласил его с женой. Думаю, что надо еще пригласить Сергея – старлея из роты и пару моих друзей, которых ты пока не знаешь.

– А можно еще врача, Сергея Палыча?

– Конечно, давай и его. Он тебя заштопал вполне качественно – вон, шрамик почти незаметен. – И Вася тут же чмокнул меня в это шрамик.

Мы пошли в дом. Вася сел ужинать, а я пристроилась напротив и стала думать о свадебном наряде. Наверняка сейчас

совсем другие традиции. О кольцах, кажется, вообще лучше не заикаться. О, придумала.

– Вася, давай завтра вечером сходим в гости к Валентину Петровичу домой. Я хочу поблагодарить его и заодно посоветоваться с его женой по поводу свадебного наряда. А то в гимнастерке и сапогах невеста, по-моему, будет выглядеть как-то не очень.

– Во всех ты, душенька, нарядах хороша, – почти пропел Вася. Но, увидев, что я стала дуться, сразу сдал. – Ну ладно, ладно, завтра вечером я заеду за тобой в роту, и мы вместе поедем к товарищу капитану домой. Он всегда готов помочь в подобных случаях. А теперь я поел и давай вернемся к нашим проблемам. Пошли в комнату.

Там мы вполголоса стали строить планы. Я говорила, что хотелось бы сделать, а Вася говорил, что можно сразу, что за пару недель, а что уже и не успеем. Вначале беседа шла в нормальных тонах, потом я стала горячиться, потом хотела было заорать, но тут Василий схватил меня в охапку, и на этом дискуссия закончилась, а мы перешли к существенно более приятным делам. При этом мы оба даже не могли представить, что завтра жизнь преподнесет нам очень неприятный сюрприз.

Утром, еще раз напомнив мужу о вечернем визите, я села в уже привычный пепелац (*ну не могу я по-другому называть эту колымагу*). Водитель, веселый татарин Рафиз Хикматулин, всю дорогу пел разные песни на один и тот же мотив.

Ладно, поет себе, и пусть поет. Но сразу после поворота дороги раздался хлопок, и машину тряхнуло.

– Вот шайтан, – ругнулся Рафиз, – колесо проколол. Вы, Аня, лучше идите пешком. Тут всего полтора... – Он не договорил.

Раздался выстрел, и на лобовом стекле появились темно-красные брызги. Я повернулась к Рафизу, и у меня потемнело в глазах. У него не было верхней части головы. Почувствовав, что меня сейчас стошнит, я наклонилась к двери, но та распахнулась сама собой, и две руки выдернули меня наружу.

– Спасибо, – буквально проблеяла я, и меня вырвало.

– Ух, сука, чуть меня не запачкала, – раздался грубый голос того, кто вытащил меня из кабины. Последовал сильный толчок, и я упала на землю.

– Вот и девка, целенькая, как пан Кшиштоф заказывал. Пан поручник¹¹, видите, мы в точности все выполнили. Теперь можете доставить ее пану Кшиштофу. – Это был уже другой голос, но такой же грубый.

– Так что, именно из-за этой сучки и схватили Панаса? – заговорил тот, которого мужики называли поручником.

– Откуда мы знаем. Пан Кшиштоф сказал и обрисовал, как она выглядит. Мы проследили, как она ездит, и вот она перед вами.

¹¹ Поручник – воинское звание в польской армии, соответствует старшему лейтенанту.

Я, цепляясь за борт грузовичка, потихоньку поднялась и посмотрела на эту компанию. Два здоровенных заросших мужика в непонятной одежде и третий, одетый с претензией на некоторую элегантность, хотя видно, что костюм давно уже нуждается в чистке, а лицо в бритве. Все они уставились на меня с весьма хмурым выражением лица. Понятно. Была засада именно на меня. А пострадал пока бедняга Рафиз. И ничего хорошего встреча с этим паном Кшиштофом мне не сулит.

– Хмель, обыщи ее. Семен предупреждал, что она может быть опасна, – скомандовал поручник.

Хмель подошел ко мне и не столько обыскал, сколько тщательного облапал всю сверху донизу.

– Ничего, пан поручник, никакого оружия нэмае.

Они не знают, что я сама оружие. Это вселяет надежду.

– Отлично, тогда, Федор, давай сюда лошадей, погрузим продукты, сколько сможем, и эту девку. А машину сожжем. Пусть москали побегают.

– Простите, – решила вмешаться я. – Может, не надо меня к этому пану Кшиштофу? Может, мы с вами здесь договоримся?

Было так, будто все трое сидели на концерте Михаила Задорнова. Мужики захохотали, а поручник, мерзко улыбнувшись, спросил:

– И что же ты, курва московская, можешь предложить нам такого, что мы не смогли бы и так отобрать у тебя?

Я практически уже кипела от адреналина, поэтому, еле сдерживаясь, почти пропела:

– Я могу предложить вам ваши жизни и здоровье.

Они изумленно вытаращились на меня и сделали то, что я от них и хотела, – обступили меня с трех сторон. А за спиной у меня был грузовик.

Когда-то, еще в первый год занятий боевым самбо, тренер, отвечая на наши подначки, сказал, что покажет прием, которым можно завалить сразу трех человек. Мы, естественно, не поверили. Тогда он поставил одного справа, одного слева и одного прямо перед собой. И одновременно выбросил вправо и влево две ладони, наметив удары по горлу, а перед собой ударил ногой. На это мы заорали, что сначала надо всех противников так расставить, а потом еще попросить, чтобы они подождали, пока мы проведем прием. Тренер рассмеялся и согласился, но сказал, что прием все равно будем оттачивать, поскольку он может пригодиться и в других ситуациях – например, при неполном числе противников, то есть при двух или одном. Таким образом, мы целых три месяца ставили этот тройной удар, пока он не пошел на уровне подсознания.

Поэтому я неожиданно для них выбросила вправо и влево две ладони ребрами, а стоявшего прямо передо мной поручника изо всех сил ударила ногой в пах. Все трое тихо и мирно легли на землю. А у меня в голове встала какая-то мутная пелена, какая-то необъяснимая жестокость. Я наклонилась

к этим нелюдям и в первую очередь сломала каждому оба указательных пальца. Когда очухаются, то у них будет чем заняться. Немного подумала, вспомнила кое-какие ужасистики, вытащила у одного из них нож и царапнула так, чтобы потекла кровь, но не сильно. Этой кровью намазала себе лицо, в первую очередь около губ. Потом из сумочки достала черный карандаш и подрисовала себе большие круги вокруг глаз. Так что, когда эти обормоты стали подавать признаки жизни, на них уже смотрело лицо с кровью на губах и почерневшее от злобы.

– Ну что, мужички? Не захотели по-хорошему. Будем по-плохому. С кого мне лучше начать?

У всех троих штаны моментально промокли. Значит, подействовало.

– Или расскажете все, что спрошу? Тогда еще поживете.

– Расскажем, расскажем! Только отойди, упырь проклятый!

– Ладно, я вас тут оставлю на часок и побегаю. Заодно аппетит нагуляю. А вы подумайте, что будете мне говорить, чтобы я не стала харчить вас прямо тут.

Глава 10

На самом деле после этих слов я старательно отоварила каждого из них по башке, чтобы дождались, пока я доберусь до роты. Если последние слова Рафиза я поняла правильно, то тут не более полутора километров. Значит, минут восемь бега. Все, время пошло, то есть я понеслась.

Действительно, вскоре я добежала до знакомого шлагбаума. Часовой лишь взглянул на меня и не рискнул останавливать. Только нажал кнопку тревоги. Выскочил дежурный наряд, а на крыльце штаба появился Сергей. Меня уже била истерика, но я еще сумела внятно сказать, что там, на дороге, грузовик с убитым Рафизом и с бандитами и где-то там, рядом, в перелеске, могут быть лошади. Сергей отдал команду, и целый взвод стал запрыгивать в грузовик. А я проскрипела:

– Сергей, мне срочно нужны два ведра холодной воды и чистая простыня.

Он посмотрел на меня, что-то сообразил, крикнул старшину, после чего спросил:

– Может, лучше водки?

– Вода и простыня!

Подошел старшина, получил задание и через несколько минут вернулся с ведрами и простыней. Я потащила его в закуток, где офицеры иногда принимали душ. Там, не стесняясь старшины, разделась догола и скомандовала:

– Товарищ Пилипчук, лейте на меня первое ведро.

Он вылил. Я немного потеряла лицо и тело руками.

– Теперь второе.

Получила второе. Истерика отошла. Завернулась в простыню, тщательно растерлась и почувствовала, что возвращаюсь к жизни.

– Спасибо, товарищ Пилипчук. Теперь я сама.

Старшина, покачивая головой, ушел, а я оделась и практически пришла в норму. Потихоньку пошла к штабу и села на ступеньки. Минут через двадцать пришли обе машины. Бандитов потащили в дом, а Сергей подошел ко мне:

– Как ты, Аня? Успокоилась?

– Почти. И у меня небольшая просьба. Ты сейчас будешь их допрашивать. Разреши, сначала я к ним подойду. Может, тогда они будут с тобой поразговорчивее.

Сергей задумчиво на меня посмотрел, потом сказал:

– Ну, раз ты их задержала, то почему бы тебе и не присутствовать? Заходи.

– Зайдем вместе. Только я хочу попросить – ты на меня смотри с некоторым страхом и говори робко. Потом объясню.

И мы вошли.

– Ну что, мужички. Поговорим? А то завтрак скоро.

– Уйди, злыдня! Пан начальник. Пусть она уйдет. Мы уже скажем.

– Скажете, конечно, скажете. А то товарищ старший лей-

тенант мне пожалуется. Так, товарищ старший лейтенант?

– Так, сударыня. Конечно! Вы только не нервничайте, умоляю, а то будет опять, как в тот раз. А нам они живые нужны.

Ну, артист, с ходу понял и точно подыграл! Я еще раз кинула на бандитов кровожадный взгляд и вышла.

Сергей последовал за мной, давясь от смеха. Постоял, успокоился и подошел ко мне.

– Что ты там с ними в лесу сотворила?

– Да ничего особенного. Сломала им по паре пальцев, чтобы в носу не ковыряли, а потом изобразила из себя упыря. Помнишь, когда я прибежала, на лице была кровь. Это их кровь.

– Да, с тобой действительно лучше не связываться. Я Василию расскажу, так он тебя по большому кругу обходить будет.

– Не будет! Не позволю!

– Это как?

– А вот так. У нас через неделю свадьба. Кстати, ты среди приглашенных.

– Ну, Васька, попал как кур в ошип!

– Наоборот. Теперь он под моей защитой. И вообще, со своими я белая и пушистая.

– Все, молчу. А тебе стоит сегодня занятия отменить. Я сейчас Василию позвоню, так как это наша общая головная боль. А потом пойду этих гавриков трясти. Вася приедет и

присоединится.

С этими словами он зашел в дом, а я уселась на лавочку ждать мужа.

Примерно через сорок минут подъехала легковушка НКВД, из которой сначала вылез капитан и только потом Василий. Капитан кивнул мне и прошел дом, а Вася бросился ко мне:

– Анечка, с тобой все в порядке? А то Сергей рассказал по телефону про нападение на машину и про тебя что-то невнятное.

– Не беспокойся, Вася. Я почти в норме, а вот Рафиза очень жалко. Всегда такой был добрый и веселый. Но я за него этим ублюдкам уже частично отомстила. Ладно, иди к начальству, помоги им с допросами, а если кто-то из этих гадов начнет зажимать информацию, то обращайтесь ко мне.

Вася поглядел на меня с удивлением, но ничего не сказал и тоже прошел в дом. А я продолжила свое сидение. Появилась мысль пойти куда-нибудь в каптерку и в уголочке подремать. Но тут же поняла, что не усну, так как все время буду видеть перед собой Рафиза с расколотым черепом. Значит, весь пар еще не вышел. Буду дальше сидеть.

Через час капитан и Вася вышли на воздух. Капитан закурил, и они оба подошли ко мне.

– Ну, Анюта, – заговорил капитан, – ты опять отличилась. Как тебе удалось их захватить?

– Разозлили они меня очень, Валентин Петрович! Ни с

того ни с сего шофера убили – безобидного и веселого парня. Меня хотели к какому-то Кшиштофу отвести. Я им предложила договориться, а они почему-то отказались. Вот и пришлось их скрутить. Кстати, у меня в связи с этим несколько вопросов. Кто такой этот Кшиштоф, кто такой Семен, который предупреждал поручника, что я опасна, откуда они знают, что это я помогла захватить Тарашука, и почему им велели захватить меня живой?

– Ну, ты наговорила. Я пока могу точно ответить только на один вопрос. Кшиштоф Тышкевич – бывший польский офицер, служил в штабе Рыдз-Смиглы. После освобождения наших западных территорий создал небольшую, активную и грамотно действующую банду. Только за последние три месяца они совершили более десяти нападений на машины и хутора. В том числе и на автобус, в котором ты ехала. До сих пор нам удавалось в основном захватывать трупы. Панас Тарашук первый попал к нам живым, но выбить из него показания так и не удалось. А вот из этих троих двое уже начали говорить. Сейчас проработаем план и немедленно отправимся к лежке Кшиштофа. Если повезет, то захватим их тепленькими. Да, а что за Семен? Про него они ничего не говорили.

– Семена, кажется, знает поручник. Именно Семен сказал им, что я представляю опасность. Правда, не объяснил какую, что меня и выручило.

– Так вот этот гад поручник молчит и только крестится.

– Крестится, говорите? Валентин Петрович, а давайте я помогу его разговорить.

– Ну и как ты это сделаешь? Оставь лучше это нам – профессионалам.

– Я думаю, что смогу, только сделайте вот что...

Я детально объяснила, что я хочу от них. Капитан, выслушав меня, схватился за голову.

– Ну, Анюта, ну ты и стерва, извини, конечно. Ладно, хуже от этого не будет, а получиться может.

Вот так всегда – стоит женщине проявить изобретательность в достижении своей цели, как ее обзывают стервой!

Далее события развивались следующим образом.

Поручник в комнате для допросов услышал за стеной жуткий вопль, который вдруг резко оборвался. А потом в комнату ворвалась свирепая я, которую безуспешно пытались остановить Сергей, Василий и капитан. Рот и руки у меня были в крови, на лице опять черные разводы, глаза сверкали. Я подскочила к стулу, на котором сидел поручник и пытался дрожащими руками ухватить висевший на груди крестик. Он забормотал:

– Матка боска ченстоховска, защити меня от всякой напасти. Спаси и сохрани.

– Никто тебя от меня не защитит, – прорычала я. – Ни ксендз Кордецкий, ни Мария, с которой мы давно договорились друг другу не мешать. Я внучка Лилит. И я голодна, а

ты сегодня утром убил моего верного слугу.

– Простите, сударыня, – просящим голосом заговорил сзади капитан. – Очень просим вас хоть немного потерпеть. Может, он нам все-таки даст информацию.

– Дам, дам, – буквально заскулил поручник, – только защитите меня.

– Хорошо, Валентин, – как бы успокаиваясь, сказала я. – Я помню не только зло, но и добро, поэтому пока оставлю этого типа твоим людям. Но как только он станет не нужен, ты мне его отдашь.

– Но если он нам все расскажет и согласится сотрудничать, мы будем вынуждены его придержать у себя.

– Тогда найди мне какую-нибудь замену. Ты же знаешь, что я всегда голодна.

С этими словами я позволила вывести себя из комнаты. Капитан вышел за мной.

– Ну, ты наговорила, – отсмеявшись, начал капитан, когда мы вышли из дома на воздух. – А что за имена ты упоминала: Кордецкий, Мария, Лилит?

– Когда шведы в семнадцатом веке осаждали Ченстоховский монастырь, то обороной руководил ксендз Кордецкий. Кажется, его потом причислили к лику святых. Об этом писал польский писатель Сенкевич в своем романе «Потоп». Этот роман знают все образованные поляки. Мария – это «матка боска», то есть Богородица.

А Лилит, по преданиям, была первой женой Адама и по-

том стала демоном. Просто этот поручник, как и большинство других поляков, очень религиозен. Видели, как он держался за крестик? Вот на этом я и решила сыграть, так как если человек верит в Бога, то он верит и в черта. А теперь ваша очередь. Идите и вытрясите из него все про этого Семена. Возможно, что служит он здесь в роте.

Капитан помрачнел, кивнул и пошел в дом продолжать допрос. А я снова двинулась умываться. Да, сегодня занятия придется отменить. И наша подготовка тоже откладывается. Как бы это не стало системой.

Еще примерно через час была объявлена тревога и почти вся рота, кроме дежурных, погрузилась в машины. Меня, несмотря на настойчивые просьбы, не взяли. Вот так: как тренировать, так можно, а как пройти практику в реальном деле, так нельзя – не женское, мол, это дело. Ладно, потом отыграюсь. А пока, чтобы не терять времени даром, выцарапала себе инструктора по стрельбе и пошла с ним на полигон. У меня все никак не получалась нормальная стрельба из мосинки. СВТ и карабин – пожалуйста. Сто и двести метров – все пули в черном кружке. А как беру винтовку Мосина, идет большой разброс. Не могу приспособиться к сильной отдаче. *То ли дело моя спортивная винтовка с удобным ложем и почти без отдачи.* Автоматы и пулемет – вообще отдельная песня. Первая пуля еще как-то цепляет мишень, а вот остальные... Ну, не буду о грустном.

С короткостволом тоже проблемы. Из нагана попадаю

практически отлично, но не лежит душа к револьверам – слишком долго перезаряжать. Из ТТ тоже попадаю неплохо, но нужно лучше. А вообще, в своем времени я много хороших слов читала о немецких вальтерах и о «парабеллуме», или, как его еще называют, «люгере». Но в этой роте «парабеллум» есть только у командира. Так что остается лишь подбирать слюни, когда в тире он из своего «люгера» сажает пулю за пулей точно в яблочко.

На самом деле по результатам стрельбы из неавтоматического оружия я входила в пятерку лучших в роте, но для будущего мне этого явно мало. Долго прицеливаюсь, и нужно научиться попадать в нужную точку, а не просто стрелять на поражение. И еще голубая мечта – научиться стрелять из пистолетов с двух рук. По Васиным словам, во всем отряде НКВД есть всего два спеца по такой стрельбе, и они постоянно загружены. Но если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Надо будет поговорить с Валентином Петрови-чем, жалостливо похлопать глазками. Может быть, он растает и разрешит хотя бы на пару дней съездить в отряд. А там, глядишь, и еще пару дней выцыганю. Уже что-то. Во время таких поездок, если получится, я уж вцеплюсь в этих спецов, как клещ. И надеюсь, что нескольких уроков мне хватит. Задел по общей стрельбе хороший, физподготовка на уровне. Значит, будут нужны только техника и, может быть, какие-то их собственные секреты такой стрельбы. А в качестве компенсации предложу им что-нибудь из моих приемов

рукопашного боя. Вдруг чего-то не знают.

Еще одна проблема. Не факт, что у нас всегда будет советское оружие. Скорее всего, будет ровно наоборот, а с немецким я вообще никогда не имела дела. В роте такого оружия практически нет, а к тем крохам, что есть, боеприпасов кот наплакал.

Глава 11

Отстрелявшись, пошла к штабу и села ждать. Через час пошла, поужинала, и снова ждать. Правильно я где-то читала, что ожидание в неизвестности – самое тяжелое дело. Постепенно стемнело, и, по совету Пилипчука, я залезла поспать в какую-то каморку. Лечь-то я легла, но без толку. Сна ни в одном глазу. Как там Вася, как ребята? Для некоторых из них это первая операция. Теперь станет видно, хорошо я их учила или плохо. Так, за этими переживаниями, я сама не заметила, как все-таки задремала. И очнулась, услышав шум моторов.

Выскочив на улицу, я обнаружила, что уже почти светло, так, небольшие сумерки. Машины въезжали одна за другой и останавливались около штаба. Из них стали выскакивать бойцы. Заехала и легковушка НКВД, из которой вышел только шофер Валентина Петровича. Он никуда не пошел, а стал оглядываться. Я подлетела к нему, вцепилась в гимнастерку и заорала:

– А где Вася, что с ним?

Видя мое состояние, он четко и коротко доложил:

– Два легких ранения, две недели.

– Какие две недели? – Меня затрясло.

– Доктор в больнице сказал, что через две недели товарищ лейтенант будет здоров. А я приехал за вами, чтобы отвезти

в больницу.

Чуть-чуть полегчало. Я уселась рядом с шофером, и мы поехали. По дороге он рассказал, что банду окружили, но при стягивании кольца под чьей-то ногой хрустнула ветка, и тут же началась стрельба. Бандиты понимали, что им не уйти, и ожесточенно сопротивлялись. У них оказались гранаты. Вот Вася и словил два осколка. Поэтому сразу после окончания боя тяжелораненых вместе с санинструктором отправили в госпиталь, а легких – их оказалось всего двое – отвезли в больницу нашего городка. Сдавшихся бандитов повезли в отряд для допросов.

Я почти совсем успокоилась и, когда машина остановилась около хорошо знакомой мне больницы, уже держала себя в руках. У меня также появилась одна идея, к реализации которой я немедленно приступила. Войдя в больницу, я двинулась не в палату, а в первую очередь прошла в кабинет к Сергею Палычу и устроила ему небольшой допрос с пристрастием. Он твердо обещал, что не позднее чем через десять дней Вася полностью оправится от ран – один осколок разрезал мышцы левого плеча, а второй застрял в том месте, где, как выразился доктор, «спина теряет свое благородное название». После этого я переключилась на другую тему.

– Сергей Палыч, вы главный врач в этой больнице?

– Да, Анечка.

– Тогда у вас должна быть какая-то печать для того, чтобы ставить на важные бумаги?

– Само собой разумеется, такая печать у меня есть.

– А найдутся у вас два листа чистой бумаги, листик копирки и скрепка?

– Минуточку. – Доктор выдвинул ящик стола и достал все требуемые предметы.

Я взяла два листка, положила между ними копирку и все аккуратно соединила скрепкой.

– Доктор, сейчас я пойду в палату, а вас попрошу зайти туда минут через пять с этими бумагами и с печатью больницы.

Сергей Палыч очень удивился, но пообещал выполнить мою просьбу. После этого я пошла в палату, где лежали Вася и еще один боец с перебинтованной шеей. Около Васиной кровати стоял стул, на котором в данный момент сидел капитан. Увидев меня, капитан встал и галантно предложил мне место около больного. Вася лежал на боку, выглядел бледно, но тем не менее не был похож на тяжелобольного. Я тут же перешла ко второму этапу реализации своей идеи.

– Товарищ капитан, хочу обратить внимание на недостойное поведение вашего подчиненного!

У капитана и у Васи отвисла челюсть.

– У товарища лейтенанта выработалась вредная привычка перед женитьбой попадать в больницу. Наверное, чтобы избежать брака. Так вот, если в первый раз это ему удалось, то со мной подобные шутки не пройдут. Уважаемый Сергей Палыч, – доктор как раз вошел в палату, – в качестве главврача

имеет право выдавать справки о регистрации брака, заверенные печатью больницы. Поэтому, товарищ главврач, – обратилась я к Сергею Палычу, – прошу вас прямо сейчас зарегистрировать мой брак с гражданином Северовым Василием Федоровичем. Свидетелем со стороны жениха будет Валентин Петрович, а с моей стороны – медсестра Татьяна.

При этих словах глаза у Васи стали очень круглыми и очень большими. А капитан затрясся от еле сдерживаемого смеха.

– Но, Анечка, – забормотал Вася, – мы же договорились зарегистрироваться в субботу.

– Видите, товарищ капитан? Увиливает! Надеется к субботе еще что-нибудь придумать! Не выйдет, дорогой! – Я повертела перед Васиным лицом фигой. – Прямо здесь и прямо сейчас! А в субботу отпразднуем.

– Вот, Василий, – заговорил капитан. – Я тебя предупреждал. А теперь все, женись.

– Отвечай, гражданин Северов, – я не ослабляла напор, – согласен ли ты добровольно взять в жены гражданку Шахматову Анну Петровну?

– Согласен, – неожиданно твердо выговорил Вася. – А ты, гражданка Шахматова, согласна взять в мужья гражданина Северова Василия Федоровича?

– Согласна, – радостно заулыбалась я.

– Тогда объявляю вас мужем и женой, – вступил в разговор Сергей Палыч. – Сейчас заполняю справку, и прошу вас,

товарищ капитан, и тебя, Танечка, расписаться в качестве свидетелей.

Свидетели расписались, при этом капитан, хмыкнув, сказал, что первый раз в жизни выступает в качестве свидетеля. Раньше-то все расписывался как следователь. Сергей Палыч поставил печать и вручил мне второй экземпляр, сказав, что первый он сегодня же передаст в ЗАГС. И тут я разревелась. Окружающие деликатно вышли из палаты, оставив нас вдвоем. Я села к Васе на кровать, и он здоровой рукой стал вытирать мне слезы. Пару раз всхлипнув и шмыгнув носом, я сквозь мокрые от слез ресницы хитро посмотрела на него и сказала:

– А все-таки ловко я тебя окрутила!

Вася тоже улыбнулся:

– Так я и не сопротивлялся. Тем более что тебе возражать – себе дороже.

– Вот именно, дорогой. И пожалуйста, всегда помни об этом. А к субботе я тебя на ноги поставлю.

Решив, что сейчас Васе уже ничто не угрожает, я двинула домой. Пора привести мысли в порядок и заодно немного отдохнуть. Только буквально свалившись на кровать, я поняла, как вымоталась за последние сутки. Стрельба, схватка с бандитами, допрос, ожидание, ранение Васи и, наконец, как бы в награду, замужество. Есть от чего прийти в полное смятение. И не скажешь, что все хорошо, что хорошо кончается. Ведь погибли, по словам шофера, десять бойцов и пять ра-

нены, из них – трое тяжело. Правда, банда, в состав которой входило более 50 человек, уничтожена полностью. Арифметика в нашу пользу, но все равно – это кровавая арифметика.

А еще выяснилось, что мы с Васей в своих расчетах полностью упустили из виду тот непреложный и очевидный факт, что при выполнении служебных обязанностей он может получить ранение и на некоторое время выйти из строя. А я одна со всеми запланированными действиями не справлюсь. Тем более что теперь мне нужно еще каждый день навещать мужа в больнице – стимулировать его к скорейшему выздоровлению.

Ладно, план будет такой: сушка сухарей пшеничных и ржаных; закупка в небольших количествах, чтобы не было заметно, консервов, соли и сахара; пошив черной облегающей одежды (ниндзя из нас не получатся, но хоть какая-то маскировка для ночных операций будет). Еще пришла в голову мысль, для реализации которой стоит обратиться к Валентину Петровичу. Может, и пройдет.

Потом мысли пошли по второму кругу, и я поняла, что пора спать.

Утром первым делом побежала в больницу. Вася еще спал, и я не стала его будить. По словам Сергей Палыча, все пока в норме. Уже хорошо. Теперь можно и в роту. Так как машина уже прошла, то сделаем пробежку. Ничего, ноги работают – голова отдыхает. Расстояние до роты преодолела за час с четвертью. Нормально. Хорошо разогрелась, так что

могу сразу приступить к занятиям. Как всегда, до обеда новички. За прошедшее время они уже немного поднатаскались, но сегодня, с учетом вчерашних событий, я дала им небольшую поблажку – сократила на пару кругов дистанцию пробежки. Зато увеличила число кувырков, падений и различных видов бега: обычный, спиной вперед и приставным шагом. Потом, как всегда, растяжки, акробатика и канат. Через неделю и этих надо будет переводить на полосу МЗП – часики-то тикают.

После обеда вцепилась в Сергея – пусть расскажет, почему такие большие потери?

– Помилуй, Аня, разве это большие потери? Уничтожена крупная банда, половину которой составляли бывшие военные, то есть люди с боевым опытом. У них было выставлено боевое охранение, которое при первом же шуме подняло тревогу, и пошел настоящий бой. Бой в темноте. С применением пулеметов и гранат (гранат, честно говоря, мы не ожидали). Так что соотношение один к пяти с учетом того, что мы еще сумели захватить несколько пленных, вполне приличное. Конечно, ребят жалко, но в той обстановке, которая сейчас сложилась в приграничных районах, подобные потери, к сожалению, неизбежны.

– Я и сама понимаю, что потери неизбежны, но все равно десять процентов потерь за один бой – это много.

– Если бы было можно, то в следующий раз я поставил бы командовать операцией тебя и посмотрел бы, какие будут

потери, – потерял терпение Сергей. – К счастью, подобные эксперименты невозможны.

– Так я и не стремлюсь в командиры роты. Мне вполне хватает одного подчиненного. – Тут Сергей улыбнулся. – Но я просто хочу знать: могу ли включить в упражнения какие-либо элементы, которые помогут сократить потери роты в будущих операциях?

– Это не ко мне. Мое дело – ловить предателей и шпионов и следить за соблюдением секретности. А ты ищи ответы на свои вопросы у командира и комиссара роты. Вот после обеда будет у тебя пара часов – подойди к ним и вцепись, как ты умеешь. Может, они тебя сразу и не пошлют в пеший маршрут – все-таки ты теперь, ко всему прочему, жена лейтенанта Северова, которого здесь уважают.

Переведя стрелки на ротное начальство, Сергей с нескрываемым удовольствием удрал. Мне не оставалось ничего иного, как принять его слова к сведению и приступить к занятиям.

Будучи от природы девушкой упертой, я не оставила свои вопросы и сразу после обеда ринулась к командиру. У него только-только началось совещание, на котором сидел и комиссар. Облом. При этом мне в голову закралась мысль, что Сергей их предупредил – вот они и стали совещаться, хотя обычно в первые десять минут после обеда всегда выходили на крыльцо и неторопливо беседовали. Ничего, запишем для памяти и будем повторять попытку до тех пор, пока она не

увенчается успехом.

Успеха я достигла сразу после окончания вечерних занятий. Они, наивные, думали, что я сразу прыгну в машину и покачу в город к мужу. К мужу я, конечно, доберусь, тем более что у меня возник к нему один серьезный вопрос, но только после того, как вытрясу из комроты и комиссара все, что мне нужно. Они-то не знают, что этот опыт мне крайне важен для будущего, поэтому лучше им сразу расслабиться и получить удовольствие.

Когда я вошла в комнату к командиру роты, он сразу скорчил такую рожу, будто жевал целый лимон. Комиссар сразу заторопился, сказав, что еще должен просмотреть материалы для стенгазеты, и безжалостно бросил своего командира мне на съедение.

– Товарищ капитан. Объясните мне, пожалуйста, почему при проведении вчерашней операции в роте были такие большие потери. Я не собираюсь доносить об этом наверх – мне просто нужно понять, были ли тут и мои недочеты, связанные с тренировками личного состава.

– Не думаю, товарищ Шахматова, что тут сказались ваши недоработки.

– Простите, – не удержалась я. – Не Шахматова, а Северова.

– Да, уже? Тогда примите мои поздравления. Теперь по поводу вчерашней операции. Полный разбор будет проведен после того, как начальник отряда НКВД ознакомится с на-

шими отчетами и сведет все вместе. А пока могу только сказать, что к вашим методам подготовки никаких претензий нет. Часовых бойцы сняли качественно – никто не пикнул. Потом, когда брали пленных, тоже действовали на должном уровне. Потери же, как это часто бывает, вызваны некоторым неудачным стечением обстоятельств. Кто-то из бандитов выполз из землянки, чтобы оправиться. И как раз в этот момент под ногами у одного из бойцов хрустнула ветка. А ночью каждый звук слышен очень четко и очень далеко. Бандиты почти сразу начали стрелять со всех направлений. И что мы никак не ожидали, у них оказалось много гранат. Наше счастье еще, что в лесу гранаты не дают такого эффекта, как в поле. А то потерь было бы намного больше. Собственно, ваш муж пострадал одним из первых. Его спасло только то, что он лежал за большой сосной, которая приняла на себя основную массу осколков. Больше ничего сказать не могу. Так что идите к супругу, и пусть совесть вас не беспокоит. Бойцов вы тренируете хорошо.

– Еще один вопрос, товарищ капитан. А как фамилия того бойца, под ногой которого хрустнула ветка?

– Да кто ж его знает. Темно ведь было. Можно, конечно, выяснить, но зачем?

– Ну хотя бы затем, что я его потренирую на бесшумную походку.

Интересно, а кто меня на такую походку потренирует?

– Хорошо, я попробую выяснить, но заранее ничего обе-

щать не могу. Простите, но у меня дела.

Понятно. Это означает: «А не пошла бы ты...» Пойду.

– Да, товарищ Северова. Сейчас от нас пойдет машина в отряд. Можете доехать до города. Счастливого пути.

– Большое спасибо, товарищ капитан. Пойду к шлагбауму. До свидания.

Глава 12

Я дождалась машины, и та быстро довезла меня прямо до больницы. Поблагодарив шофера, я помчалась к мужу. Он выглядел намного лучше, и я стала думать, не пора ли забрать его домой. Но тут Сергей Палыч проявил твердость:

– Понимаю вас, Анечка, но никак не могу выписать товарища лейтенанта. Раны у него в полном порядке, но при неосторожном движении швы могут разойтись. И потом, завтра вам с утра снова на работу. А кто во время вашего отсутствия будет ухаживать за товарищем Северовым? Так что идите домой и лучше готовьтесь к субботнему мероприятию. Если выздоровление будет идти такими темпами, то обещаю, что свадьбу вы отметите дома.

С разумными аргументами спорить бессмысленно. Я посидела у Васиной постели примерно полчаса и двинулась домой.

Дома я прежде всего стала анализировать сегодняшний день: что в плюсе, а что в минусе. Подготовка к ДАТЕ – удались только тренировки, значит, практически минус. Еще один явный минус – потери в роте. Удастся ли их восполнить, пока неизвестно. Муж, по обещанию доктора, скоро поправится – это плюс, но то, что пока он исключен из процесса подготовки, – опять-таки минус.

До сих пор о причинах неоправданно больших, на мой

взгляд, потерь я выспрашивала у Сергея и комроты. Может быть, и напрасно – они лица заинтересованные и вряд ли признаются постороннему человеку в своих ошибках. Я вот, в отличие от них, не могу принять как само собой разумеющийся факт, что один из бойцов случайно наступил на ветку (или сучок) как раз в тот момент, когда из землянки неожиданно вылез бандит. Что получается – часовых сняли без шума и пыли, а тут «вот вам здрасте»! Стоило, наверное, попросить медэксперта из НКВД посмотреть трупы бойцов – все ли тут гладко. Может, кто-то из них погиб совсем не от бандитской пули? Но этот поезд ушел – погибших уже похоронили, а эксгумацию на основе моих построенных на песке предположений никто проводить не будет.

Еще покоя не дает мысль о некоем мифическом Семене, предупреждавшем, что я опасна. Оказалось, что поручник в лицо его не видел, так как разговаривал с ним у пана Кшиштофа в землянке, причем этот чертов Семен находился за перегородкой, роль которой играла повешенная на веревке шинель. Откуда Семен мог знать, что я опасна, если мои возможности я демонстрировала только в роте на занятиях? Значит, со стопроцентной вероятностью можно быть уверенной, что Семен находится среди бойцов или командиров роты НКВД. Ничего себе, как это органы так опростоволосились, что пропустили в свою среду явного шпиона. И почему возникло желание меня захватить живой, а не пристрелить вместе с шофером? При таком раскладе возможно

повторение попытки, если, кроме разгромленной банды, у Семена есть еще подручные. И при этой новой попытке наверняка будут приняты все меры предосторожности. А кто меня, бедную девушку, охранять будет, пока муж в больнице? Дома я вроде бы в безопасности – наш квартал (громко сказано для небольшого городка – скорее просто группа домов) охраняют милицейские патрули, по этому вряд ли бандиты нападут прямо тут. Вероятно, опять попытаются перехватить меня где-то по дороге. Да, по-прежнему много вопросов, на которые нет ответов. Пожалуй, завтра утром пойду не в больницу – все равно рано утром Вася еще будет спать, а в НКВД к Валентину Петровичу.

Утром по установившейся уже традиции я выпила стакан молока с хлебом и хотела было бежать в НКВД, но спохватилась, что еще рано. Наверняка сейчас там только дежурный, а капитан появится не раньше восьми. Тогда, чтобы не терять времени даром, сказала новому водителю пепелаца, что сама доберусь до роты, сделала серьезную разминку для разгона крови по жилам и села думать. Поскольку мысли, как зайцы, прыгали в разные стороны, ничего я не надумала и двинулась к дому НКГБ.

Конечно, я приперлась рано, примерно полвосьмого, но решила попытать счастья и подошла к дежурному:

– Здравствуйте, скажите, пожалуйста, Валентин Петрович когда придет?

– Товарищ Григорьев уже здесь, – ответил дежурный.

– Тогда можно мне к нему пройти?

– А кто вы такая? Предъявите документы.

– Документов у меня с собой нет, но вы передайте товарищу капитану, что пришла Аня Северова.

– Вот как! А кем вы приходитесь лейтенанту Северову?

– Я его жена. Мы только вчера поженились.

– Так он же в больнице. – При этих словах дежурный, нахмурясь, внимательно посмотрел на меня и поправил кобуру на поясе. Вот, мол, дура, выдает себя за жену лейтенанта и даже не знает, что он в больнице. Явно подозрительная девица.

– Вот в больнице мы и поженились. Да вы скажите капитану, он все подтвердит.

Решив, что определенный резон в моих словах есть, дежурный снял трубку внутреннего телефона и доложил:

– Товарищ капитан, тут к вам какая-то девушка пришла, документов у нее нет, и она выдает себя за жену лейтенанта Северова. Что? Как выглядит? Да, высокая, светлые волосы. Понял. – Он уже благожелательно посмотрел на меня. – Сейчас к вам выйдет наш сотрудник и проводит вас к капитану. – И, уже окончательно сменив гнев на милость, добавил: – Поздравляю вас и передайте мои поздравления Васе Северову, когда навестите его в больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.